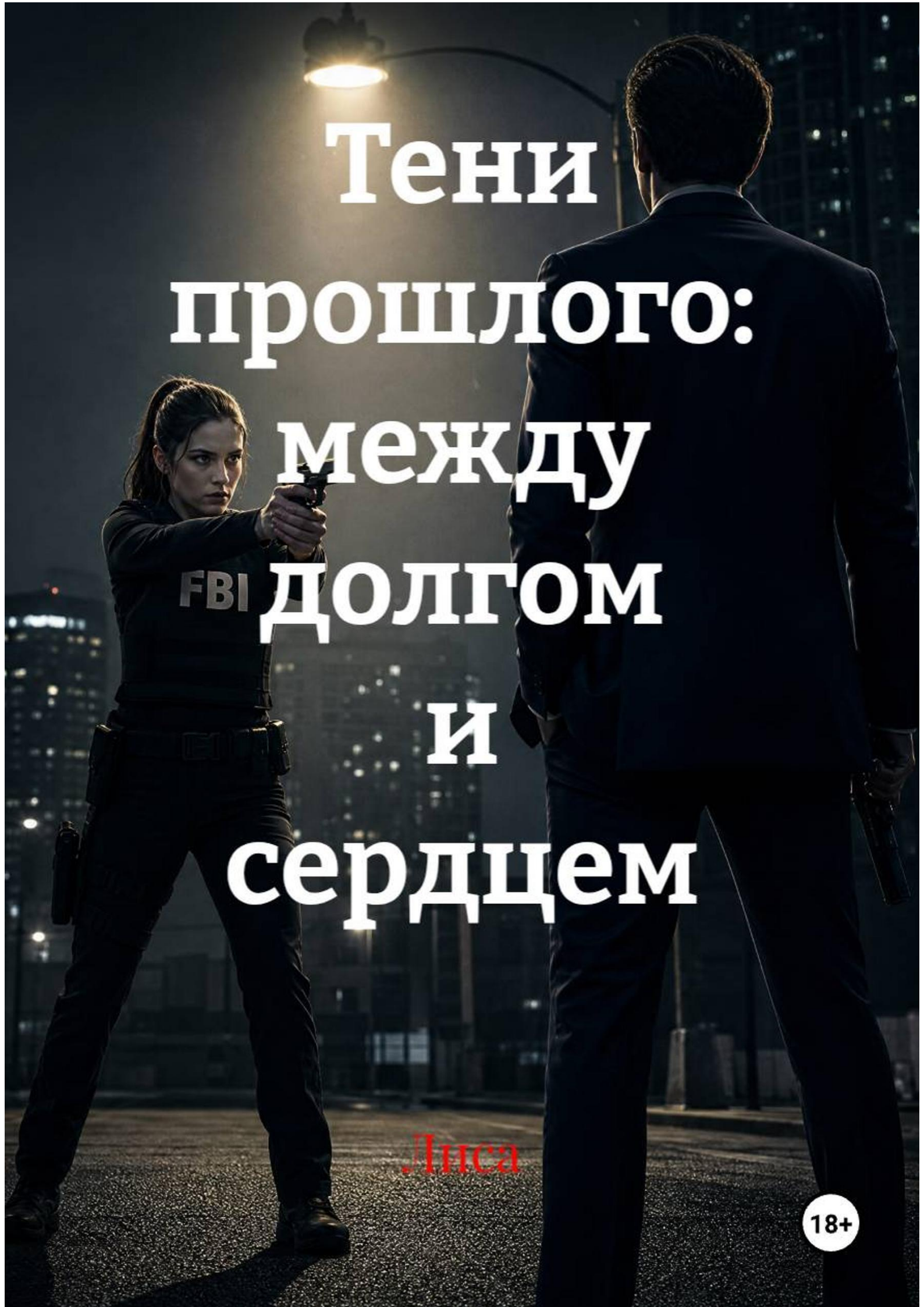

Тени прошлого: между FBI ДОЛГОМ и сердцем

Лиса

18+

Лиса

**Тени прошлого: между
долгом и сердцем**

«Автор»

2026

Лиса

Тени прошлого: между долгом и сердцем / Лиса — «Автор»,
2026

"Тени прошлого: между долгом и сердцем» Он — безжалостный мафиози, для которого власть и контроль не просто инструменты, а образ жизни. Она — агент ФБР, выросшая в том же криминальном мире и однажды должна была пойти по стопам своих родителей. Но их смерть изменила всё. Теперь она на другой стороне но навсегда связана с прошлым. Их миры должны были пересечься однажды, и теперь каждый шаг грозит разрушить не только чужие планы, но и собственные сердца. Он привык управлять чужими судьбами, не задумываясь о цене. Но одно решение, принятое в тумане амбиций, запустило цепь событий, о которых он даже не подозревал. Теперь тень того поступка настигает его — в глазах девушки, к которой он не имеет права привязываться. Смогут ли они сохранить то хрупкое, что успело родиться между ними, когда правда готова взорвать всё вокруг? Или долг, месть и старые грехи окажутся сильнее любых чувства?

© Лиса, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первая встреча	5
Глава 2. Игра начинается	7
Глава 3. Цена выбора	10
Глава 4. Бал теней	12
Глава 5. Внегласный договор	15
Глава 6. Следующий ход	17
Глава 7. Игра на опережение	21
Глава 8. Ложный след	24
Глава 9. Её расследование	26
Глава 10. Затишье перед бурей	30
Глава 11. Крах Крамера	33
Глава 12. Лицом к лицу	36
Глава 13. Игра окончена	38
Глава 14. Затишье после бури	40
Глава 15. Нежданный гость	44
Глава 16. Тени прошлого	49
Глава 17. Удар в спину	51
Глава 18. Правда, которую нельзя скрыть	53

Лиса

Тени прошлого: между долгом и сердцем

Глава 1. Первая встреча

В ресторане «Аметист» пахло дорогими духами, трюфелями и притворством. Алина сидела напротив Дэна и по его бегающим глазам уже понимала: разговор будет неприятным. Он мямлил салфетку, отводил взгляд, нервно поправлял запонки — всё это она видела раньше, когда он оправдывался за опоздание на свидание. Но сегодня было иначе.

— Алина, я... нам нужно поговорить, — начал он, не поднимая глаз. — Нам нужно расстаться!

Она не вздрогнула, не уронила вилку, даже не моргнула. Просто смотрела на него так, будто перед ней была неживая деталь интерьера — незначительная и легко заменяемая. В голове крутились не эмоции, а расчёты: сколько месяцев потрачено на эти отношения, сколько раз она прикрывала его перед начальством и жертвовала личным временем ради его «важных ужинов». И всё ради мужчины, который сейчас боится посмотреть ей в глаза.

Дэн продолжал бормотать о чувствах, о том, что «так вышло», и о другой девушке, которая «понимает его лучше». Алина слушала без интереса, фиксируя факты. А когда он наконец выдохся и поднял взгляд, она спокойно произнесла:

— Спасибо, что не тянул.

Тишину зала разорвал низкий, уверенный голос:

— Дорогая, я тебя заждался.

Алина подняла глаза. Перед столиком стоял человек из досье — Марк Стоун. Живой. Настоящий. Он протягивал ей руку, полностью игнорируя Дэна.

Его серые глаза казались непроницаемыми, как сталь. Ни насмешки, ни жалости — лишь холодная уверенность человека, привыкшего подчинять себе мир. В эту секунду Алина осознала: если она сейчас не примет эту руку, то проиграет. Не Марку. Не Дэну. Самой себе.

Она с достоинством положила салфетку на стол, встала и вложила ладонь в его руку. Он не сжал её — лишь держал так, будто она теперь принадлежала ему. Алина для самой себя отметила, что на фоне его руки — её ладонь словно пёрышко, которое сейчас находилось в ловушке.

— Пойдём, — бросил он, не оборачиваясь на ошарашенного Дэна.

Они шли под пристальными взглядами посетителей. Внутри Алины бушевали гнев, стыд и адреналин, но внешне она оставалась безупречной: прямая осанка, уверенный шаг. Не брошенная женщина, а победительница раунда.

У входа их ждал чёрный «Роллс-Ройс». Марк нарушил молчание:

— Ты не похожа на женщину, которой только что разбили сердце.

Алина посмотрела на него прямо и без страха:

— Потому что его не разбили. Его просто показали мне в истинном свете.

Марк едва приподнял бровь — единственный жест за всё время.

— Умная. Это хорошо.

Он открыл дверь машины и кивнул на сиденье:

— Садись. Нам есть о чём поговорить.

Алина замерла. В сознании сработали сигналы тревоги: это Марк Стоун, её главная цель, мафиози, которого она должна посадить. И всё же в её глазах мелькнуло любопытство, смешанное с вызовом.

Она улыбнулась уголком губ — хищно, словно охотница.

— А если я скажу, что не хочу?

Марк не дрогнул:

— Тогда я подожду. Но поверь, ты захочешь.

Алина коротко и резко рассмеялась:

— Самоуверенно.

— Реалистично, — последовал спокойный ответ.

Мгновение они стояли друг напротив друга — два хищника, оценивающих соперника. Затем Алина шагнула к автомобилю.

— Ладно. Поговорим. Исключительно из любопытства, зачем ты это устроил.

Марк закрыл за ней дверь, обошёл машину и сел рядом. Водитель плавно тронулся, растворяя ночной город в огнях за окном.

Глава 2. Игра начинается

Машина неслась по ночному городу, и Алина старалась не выдавать своего волнения. Она сидела рядом с человеком, которого собирала по крупницам три долгих месяца: записи камер, прослушки, показания свидетелей. И вот теперь она в его автомобиле, а он смотрит на неё так, будто видит насквозь.

— Зачем ты это сделал? — нарушила она тишину. — В ресторане. Зачем вмешался?

Марк откинулся на спинку сиденья, скрестив руки. — Мне не нравится, когда унижают женщин. Особенно таких, как ты.

— Таких, как я? — холодно переспросила Алина. — Сильных? Независимых? Тех, кто не плачет в салфетку?

— Тех, кто не теряет лица, даже когда мир рушится, — поправил он. — Ты не стала кричать или бить посуду. Ты просто приняла факт. Это редкость.

Алина усмехнулась. — Может, я просто не считаю его уход трагедией.

— Возможно, — кивнул Марк. — Но я видел, как ты смотрела на него. Не с болью — с разочарованием. Как будто он не оправдал твоих ожиданий.

Алина отвернулась к окну. — Мои ожидания — это моё дело.

— Согласен, — спокойно ответил Марк. — Но знаешь, что самое интересное? Ты сидишь в моей машине, едешь неизвестно куда, и при этом в твоих глазах нет страха. Только холодный расчёт. Ты уже просчитываешь ходы.

Алина резко повернулась к нему. — А ты считаешь всех людей пешками на своей доске.

Марк улыбнулся впервые за вечер. Улыбка не была доброй — скорее, хищной, как у зверя, почуявшего достойного соперника. — Иногда пешки сами рвутся в королевы.

Алина почувствовала, как по спине пробежал холодок. Он читал её. Слишком точно. Слишком быстро.

Автомобиль остановился у высотного здания в центре столицы — элитный жилой комплекс, закрытый клуб, строгая охрана на входе. Марк вышел первым и протянул ей руку. — Поднимемся. Выпьем кофе. Поговорим без свидетелей.

Алина колебалась ровно три секунды, прежде чем вложить свою руку в его ладонь. Не из желания — по необходимости. Это был шанс. Шанс подобраться ближе и найти ту самую нить, потянув за которую можно обрушить всю его империю.

Лифт поднимался бесшумно. В тесном пространстве напряжение между ними стало почти осязаемым. Марк стоял рядом, не касаясь её, но она ощущала его присутствие каждой клеткой. Он напоминал грозу — мощный, неотвратимый и смертельно опасный. Двери открылись, открывая взору просторный пентхаус: панорамные окна, строгий минимализм, чёрный мрамор и стекло. Всё здесь кричало о власти и абсолютном контроле.

Марк прошёл к бару налил две чашки кофе. — Алкоголь предлагать не буду. Ты ведь на службе? Алина замерла.

— Что?

— Ты напряжена не так, как женщина после неудачного свидания. Скорее, как оперативник после зачистки. Всегда такая собранная?

Сердце пропустило удар. Он знал. Или догадывался.

— Я просто не люблю сюрпризы, — выдавила она с напускным спокойствием.

— Понимаю, — кивнул он, протягивая ей чашку с кофе. — Но жизнь полна неожиданностей. Иногда приятных. Иногда... фатальных.

Он подошёл к окну, всматриваясь в огни ночного города. — Знаешь, Алина, в моём мире нет места слабости. Ни в бизнесе, ни в личных связях. Я строю империю, которую ежедневно

пытаются разрушить: конкуренты, продажные копы, крысы в окружении. Я научился чувствовать угрозу за милю.

Алина сделала глоток, безуспешно пытаясь унять дрожь в пальцах. — И что ты видишь сейчас?

Марк обернулся, и в полумраке его серые глаза казались почти чёрными. — Я вижу женщину, которая жаждет меня уничтожить.

В комнате повисла тяжёлая, свинцовая тишина. Алина не отводила взгляд — у неё не было права на слабость. — Откуда ты знаешь? — выдохнула она.

— Интуиция. Опыт. И та деталь, что ты уже три месяца методично копаешь под меня.

Краски сошли с лица Алины. — Кто тебя предупредил?

— Никто, — ровно ответил Марк. — Сам сложил пазл. Ты слишком скрупулёзна. Слишком невозмутима для брошенной женщины. И слишком часто оказываешься там же, где и я.

Он сделал шаг навстречу — не с угрозой, а с искренним любопытством. — Вопрос в другом: ради чего? Что я тебе сделал?

Алина сжала стакан так сильно, что костяшки побелели. — Ты калечишь жизни. Подкупаешь судей, держишь на крючке чиновников, ломаешь людей ради наживы. Ты — корень этой грязи.

Марк не вышел из себя и не рассмеялся. Лишь кивнул, признавая очевидное. — Верно. Но знаешь, в чём разница между мной и теми, кто рассуждает о морали? Я не прячусь за прогнившими законами. Я играю по собственным правилам. И побеждаю.

— До поры до времени, — возразила Алина. — Пока эти правила не сломаю я.

Марк склонил голову набок, изучая её с животным интересом. — Ты смелая. Или глупая. Я ещё не решил.

— Пусть будет первое, — отчеканила она. — Глупость меня не вытащит из задницы в которой сейчас нахожусь.

Уголки его губ дрогнули в подобии улыбки, теперь не с хищным оскалом, а с уважением. — Ладно. Сыграем. Ты продолжаешь собирать улики, я защищать свою империю. Посмотрим, чья возьмёт.

Адреналин зашкаливал в её крови. Это был не ультиматум — вызов. И она его приняла. — Идет, — распрямила плечи она. — Но предупреждаю: я не отступлю.

— Знаю. Именно поэтому ты мне так интересна.

Марк шагнул к столу, взял плотную папку и протянул ей. — Держи. Всё, что ты искала. Мои уязвимости, счета и промахи.

Алина уставилась на картонный переплёт, не веря глазам. — Зачем?

— Чтобы партия была честной, — просто ответил он. — Или ты всерьёз думала, что я не умею просчитывать ФБР?

Он опустил в кресло, вновь скрестив руки на груди. — Теперь у тебя есть выбор. Можешь уйти прямо сейчас и сдать материалы руководству. Можешь остаться и попытаться понять правила этой игры. Или попробовать использовать досье против меня. Но помни: у каждого шага есть цена.

Алина стояла посреди чужого просторного мира, сжимая в руках папку, способную принести к справедливости в её деле. Или к могиле... Внутри неё схлестнулись профессиональный долг и чисто человеческое любопытство. Она посмотрела на человека, чьё имя наводило ужас на город, но который сейчас казался самым интригующим персонажем из всех, кого она встречала. — Почему ты делаешь это?

Он пожал плечами. — Мне скучно. Ты — единственная, кто смотрит на меня без страха и подбострастия. И, возможно, единственная, способная меня остановить.

Алина медленно открыла папку. На первой же странице красовалась её собственная фотография на выходе из управления ФБР. Анкетные данные, возраст, рост, даже цвет глаз.

Читать дальше не имело смысла. Она подняла взгляд на Марка: в её глазах читалось всё что угодно, только не страх.— Ты знал с самого начала, — констатировала она.

— С первого дня, — подтвердил он без тени смущения.

— И при этом помог мне в ресторане? Зачем? — Марк поднялся и снова отвернулся к панорамному окну.

— Я уже говорил. Но повторю еще раз, даже у монстров есть принципы. И унижать женщин не мой стиль.

Алина захлопнула папку. Решение было принято.— Я остаюсь.

Марк кивнул, словно заранее знал ответ.— Прекрасно. Тогда приступим.

Глава 3. Цена выбора

Сидя в полумраке кабинета, Алина чувствовала, как напряжение растёт. Она сделала свой выбор, и назад дороги не было. Но всё же сомнения прокрадывались в голову. Правильно ли она поступает, нужно ли ей это или стоит просто сбежать и сдать Марка ФБР? Нет. Она не могла так поступить: она обещала остаться и выслушать его. Марк заметил замешательство на её лице. Он подошел к бару, налил стакан коньяка и сказал:

— Ты смотришь на эту папку, как на бомбу, — спокойно произнёс Марк, не отводя взгляда. — И в каком-то смысле она ею и является. Только взрывается не сразу. И не там, где ждёшь.

— Зачем ты мне её дал? — голос Алины звучал твёрдо, но внутри всё дрожало от напряжения. — Чтобы я ушла и сдала тебя? Или чтобы осталась и поверила, будто ты играешь честно?

Марк усмехнулся, но в этой усмешке не было насмешки — скорее усталость человека, который слишком долго балансирует на грани.

— Я дал её тебе, потому что хочу, чтобы ты увидела картину целиком, а не кусками из отчётов ФБР. Ты три месяца собирала на меня компромат, Алина. И знаешь что? Ты собрала только верхушку айсберга. То, что я позволял видеть. В моём мире нельзя победить, зная только половину правды. Ты умная, расчётливая, умеешь видеть детали. И если ты действительно хочешь меня остановить — ты должна понимать, против чего борешься. А если нет... если ты просто выполняешь приказ, гонишься за звёздочкой на погонах — тогда иди. Сдай папку. Пусть другие разбираются с последствиями.

Она крепче сжала папку.

— Последствиями?

— Да. Потому что в этих бумагах не только мои схемы и досье на тебя. Там имена людей, которые зависят от меня. Не потому, что я такой благородный, а потому что система устроена так: если падает один, рушатся десятки жизней. Мелкие бизнесмены, семьи, рабочие на моих заводах...

Алина нахмурилась. Она привыкла к чёрно-белой картине: Марк — зло, она — справедливость. Но сейчас он рисовал серые тона, в которых терялась уверенность. Она резко перебила его, не давая закончить свою речь.

— Ты пытаешься меня запугать?

— Пытаюсь заставить тебя думать, — ровно ответил он. — Потому что мне нужна не пешка. Мне нужен партнёр. Алина замерла.

— Партнёр?

— У меня есть цель, которая выше моих личных интересов. Есть угроза, которая может разрушить не только мою империю, но и весь город. И я хочу, чтобы мы с тобой остановили её. Вместе.

— Вместе? — переспросила Алина, не скрывая скепсиса. — Ты преступник, я агент ФБР. Это не партнёрство, это абсурд.

— Абсурд — это когда мы тратим время друг на друга, пытаюсь уничтожить, вместо того чтобы ударить по настоящему врагу. У меня есть ресурсы, у тебя — закон. Вместе мы можем сделать то, что поодиночке не под силу ни мне, ни твоему агентству.

Алина молчала. В её сознании сталкивались два голоса: голос долга, который кричал: «Арестуй его!», и голос интуиции, который шептал: «Послушай, что он скажет».

— Что за угроза? — спросила она, откидываясь на спинку кресла и скрестив руки на груди.

Марк чуть наклонил голову, будто оценивая, достойна ли она знать правду.

— Есть человек, который хочет занять моё место. Не просто отобрать бизнес — стереть меня с лица земли, а потом превратить город в свою личную кормушку. Он не играет по правилам, даже по моим. И у него длинные руки.

— Кто он?

— Виктор Крамер, — произнёс Марк, и в его голосе впервые прозвучала настоящая злость. — Мой бывший партнёр. Теперь — мой главный враг. Он уже начал действовать: подкупает моих людей, сливает информацию, устраивает провокации. Если он добьётся своего, твоё ФБР будет последним, кто сможет что-то изменить.

Алина почувствовала, как холодок пробежал по спине. Имя было ей знакомо. Крамер фигурировал в нескольких закрытых делах как теневой игрок, но доказательств против него не было.

— И ты хочешь, чтобы я помогла тебе его остановить?

— Не мне. Городу, — поправил Марк. — И себе. Потому что когда Крамер придёт к власти, ФБР станет его инструментом. Думаю, ты это понимаешь.

Алина медленно кивнула. Она понимала. Слишком хорошо.

— Хорошо, — сказала она, опуская папку на стол. — Я помогу. Но не потому, что верю тебе. А потому что Крамер — это угроза, которую нельзя игнорировать.

Марк едва заметно выдохнул — единственный признак того, что этот разговор дался ему нелегко.

— Отлично. Тогда начнём с малого. Завтра вечером будет благотворительный бал в отеле «Гранд Плаза». Там соберутся все, кто имеет вес в городе. И Крамер тоже будет там.

— Бал? — скептически переспросила Алина. — Ты хочешь, чтобы я шпионила на балу?

— Хочу, чтобы ты была там как моя спутница. Это даст тебе доступ туда, куда ФБР не пробиться. И ты сможешь увидеть, с кем он разговаривает, что планирует.

Алина хотела возразить, но поняла: это действительно шанс. Шанс подобраться к Крамеру ближе, чем когда-либо.

— Ладно, — согласилась она. — Но никаких игр. Никаких скрытых мотивов.

— Никаких, — кивнул Марк. — Только правда. Даже если она неудобная.

Глава 4. Бал теней

Отель «Гранд Плаза» сиял огнями, как драгоценный камень в оправе ночного города. Хрустальные люстры, мраморные полы, официанты в смокингах — всё кричало о роскоши и власти.

Алина стояла у входа, чувствуя себя одновременно частью этого мира и чужой в нём. На ней было чёрное платье с разрезом — не слишком откровенное, но достаточно эффектное, чтобы привлекать взгляды. Рядом с ней Марк выглядел как король среди придворных: высокий, уверенный, с той самой аурой силы, которую невозможно подделать.

— Помни, — тихо сказал он, наклоняясь к её уху. — Держись рядом. Но не слишком близко. Пусть думают, что ты моя слабость. Это заставит их недооценивать тебя. Алина едва заметно улыбнулась.

— Пусть. Недооценка — лучший союзник.

Они вошли в зал, и сразу же на них обрушился вихрь взглядов, шёпотов и улыбок, которые не достигали глаз. Марк уверенно вёл её сквозь толпу, здороваясь с одними, игнорируя других, и Алина чувствовала, как каждый шаг здесь — это ход в большой игре.

И тут она увидела его — Виктора Крамера. Он стоял у колонны, в окружении своих людей. Посмотрел на Марка, как на что-то совсем неинтересное. А вот фигура рядом с ним, заинтересовала Крамера. Крамер смотрел пристально — прямо на неё. В его взгляде было что-то хищное, оценивающее, будто он уже мысленно примерял её к своим планам.

— Он заметил тебя, — тихо произнёс Марк, крепче сжимая её локоть. — Не показывай, что видишь его.

Но было поздно. Крамер уже шёл к ним, улыбаясь так, будто они были старыми друзьями.

— Марк, — протянул он, останавливаясь напротив них. — Рад видеть, что ты не теряешь времени даром. А это, должно быть, твоя новая муза?

— Алина Рейн, — представилась она, не дожидаясь пока ответит Марк.

— Моя спутница. — Добавил Марк не скрывая собственнического тона.

— Очень приятно, — Крамер взял её руку и склонился в лёгком поклоне, задерживая прикосновение чуть дольше, чем требовалось.

— Алина... редкое имя. И столь же редкая красота.

Алина вежливо улыбнулась, но в её глазах читалось предупреждение: не переходи черту.

— Возможно, мы могли бы поговорить наедине, — продолжил Крамер, не сводя с неё взгляда. — У меня есть несколько идей, которые могли бы вас заинтересовать.

— Боюсь, у неё другие интересы, — холодно вмешался Марк.

Крамер рассмеялся, будто это была шутка.

— Конечно. Но иногда самые интересные предложения приходят оттуда, откуда их не ждёшь.

Крамер снова повернулся к Алине, и его улыбка стала почти обольстительной.

— Позвольте пригласить вас на танец? Уверен, вечер станет намного приятнее.

Алина заколебалась. Взгляд Марка стал тяжёлым, почти угрожающим, но она знала: отказ может вызвать подозрения, а танец — шанс узнать что-то новое.

— Хорошо, — согласилась она, прежде чем Марк успел возразить.

Крамер торжествующе улыбнулся и повёл её в середину зала. Музыка лилась струями, пары кружились, и Алина почувствовала, как пальцы Крамера чуть крепче сжали её талию.

— Вы не похожи на обычных спутниц Марка, — тихо произнёс он, наклоняясь ближе. — В вас есть что-то... особенное, — тут же добавил он уже возле её уха.

— Возможно, потому что я не его обычная спутница, — ответила Алина, сохраняя улыбку.

— О, я чувствую это. И знаете, Алина, иногда стоит задуматься, на чьей стороне вы действительно должны быть. У меня есть предложения, которые могут заинтересовать даже таких принципиальных людей, как вы.

— Какие предложения? — спросила она, стараясь звучать заинтересованно.

— Скажем так... у меня есть информация, которая могла бы помочь вам в вашей... работе. В обмен на небольшую услугу.

Алина внутренне напряглась. Вот оно. Крючок.

— Какую услугу?

— Пока ничего серьёзного. Просто будьте моими глазами и ушами рядом с Марком. Ничего, что могло бы навредить вам. Просто наблюдения.

Алина сделала вид, что обдумывает предложение, хотя внутри всё кричало: это ловушка.

— Интересно, — протянула она. — Но я не люблю сделки вслепую.

— Разумно, — согласился Крамер. — Тогда давайте просто насладимся танцем. А остальное обсудим позже.

Музыка закончилась, и Крамер с лучезарной улыбкой проводил её обратно к Марку. Тот стоял неподвижно, как статуя, и в его серых глазах бушевала буря. В руке он сжимал бокал с шампанским так крепко, что стекло треснуло, а затем лопнуло, осыпавшись осколками на мраморный пол. Капля крови выступила на его ладони, но он, казалось, даже не заметил этого.

— Всё в порядке? — спросил он, не глядя на рану, а только на Алину.

— Да, — ответила она, стараясь не выдать волнения. — Просто танец.

Марк кивнул, но его взгляд говорил другое: он не верил в «просто танец».

— Тогда пойдём, — сказал он, беря её за локоть и уводя прочь от толпы, туда, где их никто не мог услышать. — Нам нужно поговорить. Прямо сейчас.

Алина шла рядом, чувствуя, как воздух между ними искрит от напряжения, и чего то ещё — чего то, что она пока не готова была назвать...

Они свернули в тихий коридор, где гул зала стих до далёкого шёпота, а свет хрустальных бра лёг на стены тёплыми пятнами. Марк отпустил её локоть, но тут же резко остановился и повернулся к Алине. Кровь с его ладони капала на мрамор, оставляя тёмные точки, но он по-прежнему не обращал на это внимания.

— Ты понимаешь, что он только что сделал? — голос Марка звучал негромко, но в нём звенела сталь. — Он не приглашал тебя на танец. Он ставил метку.

Алина расправила плечи, стараясь унять дрожь, которая всё-таки пробивалась сквозь маску спокойствия.

— Я понимаю. И я не дала ему ничего. Ни слова, ни обещания.

Марк шагнул ближе, и в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на... беспокойство?

— Дело не в словах. Дело в том, что теперь он знает: ты уязвима. Для него это как запах крови в воде.

Она хотела возразить, сказать, что всё под контролем, но не стала лгать ни ему, ни себе.

— Он предложил сделку, — тихо призналась Алина. — Стать его глазами и ушами рядом с тобой. В обмен на какую-то информацию.

На секунду в глазах Марка вспыхнул гнев, такой острый, что ей стало не по себе. Но он тут же взял себя в руки, словно натянул невидимую броню.

— Значит, у него есть что-то, что ты хочешь услышать. Что именно?

Алина помедлила.

— Он сказал, что у него есть данные, которые помогут мне в моей работе. Конкретики не было.

Марк криво усмехнулся, и эта усмешка была совсем не весёлой.

— «В твоей работе». Красиво сказано. Он знает, что ты ищешь правду, и пытается про-
дать её тебе в рассрочку.

Он достал из кармана платок, небрежно обмотал им раненую ладонь, не морщась, будто боль была чем-то несущественным.

— Но знаешь, что самое интересное? — продолжил он уже спокойнее. — То, что он вообще заговорил с тобой, значит, что он нервничает. Если бы всё шло по его плану, он бы даже не посмотрел в твою сторону. Значит, мы наступаем ему на пятки.

Алина вдруг почувствовала, как напряжение немного отпускает её. Не потому, что стало безопасно, а потому, что она снова видела цель.

— Тогда используем это, — сказала она, поднимая на него взгляд. — Пусть думает, что я колеблюсь. Пусть готовится сделать следующий шаг. А мы будем ждать, когда он раскроет карты.

Марк смотрел на неё несколько долгих секунд, будто заново оценивая. Потом едва заметно кивнул.

— Хорошо. Но с этого момента ты не делаешь ни шага без моего ведома. Ни танца, ни разговора, ни даже взгляда. Мы играем по моим правилам.

— А если твои правила помешают мне сделать то, что нужно? — спросила она с язвительным тоном.

Он не отвёл глаз. — Тогда мы придумаем новые. Вместе.

В этот момент из зала донёсся раскатистый смех — наверняка снова Крамер, празднующий воображаемую победу. Алина невольно поморщилась, но потом глубоко вздохнула, возвращая на лицо ту самую лёгкую, ничего не значащую улыбку, которую она надевала, как доспехи.

— Ладно, — сказала она. — Вернёмся. Но на этот раз я хочу держаться не рядом с тобой, а напротив. Пусть он видит, что я не твоя тень. Пусть видит, что я сама по себе.

Уголок губ Марка дрогнул в намёке на улыбку.

— Это может сработать. Он любит охотиться на одиночек. Пусть думает, что ты оторвалась от поводка.

Они снова вышли в зал, на этот раз не как пара, а как два союзника, которые только что заключили негласный договор. Марк направился к группе инвесторов, о чём-то горячо споривших у бара, а Алина, чуть помедлив, пошла в противоположную сторону — туда, где Крамер всё ещё стоял у колонны, лениво потягивая виски и сканируя зал хищным взглядом.

Их глаза встретились. Крамер приподнял бокал в молчаливом тосте, будто поздравляя себя с тем, что приманка сработала. Алина ответила едва заметным кивком — не согласием, а признанием: игра началась.

Глава 5. Внегласный договор

Алина не спешила подходить к Крамеру — она будто случайно задержалась у столика с напитками, поправила браслет, скользнула взглядом по залу, словно проверяя, не следит ли кто. И только потом, будто что-то решив для себя, направилась к колонне, где он стоял.

Крамер заметил её сразу — по тому, как чуть приподнялись его брови и как замерла рука с бокалом. Он явно ждал этого шага.

— Решили всё-таки вернуться к разговору? — спросил он, чуть наклонив голову. В голосе звучала ленивая уверенность человека, который уже считает, что победил.

Алина улыбнулась — не широко, а так, чтобы улыбка казалась почти извиняющейся.

— Я решила, что танец — это одно, а разговор — совсем другое. И мне стало любопытно: вы так уверенно говорили про «информацию, которая поможет в моей работе». Что именно вы имели в виду?

Крамер прищурился, будто оценивал, насколько она искренна. Потом сделал небольшой глоток, поставил бокал на край мраморной тумбы и чуть подался вперёд.

— А что для вас самое важное в этой «работе», Алина? Деньги? Власть? Или, может, справедливость, которую так любят молодые идеалисты? Она не стала отводить взгляд.

— Мне важна правда. Та, которую прячут за красивыми отчётами и дорогими ужинами.

Он тихо рассмеялся, но в этом смехе не было насмешки — скорее, уважение к прямоте.

— Правду редко раздают бесплатно. Чаще её продают кусочками. Но... я могу показать один такой кусочек. Чисто чтобы вы поняли, что я не бросаюсь словами.

Алина чуть склонила голову, будто взвешивала предложение.

— Допустим. И что за кусочек?

— Контракт по «Северному узлу». Вы ведь о нём слышали, верно? Тот самый, по которому половина городских перевозок теперь идёт через одну компанию.

Она едва заметно кивнула, стараясь не выдать, что эта ниточка ей уже знакома.

— Слышала. Но в открытых документах там всё чисто.

— Конечно, — протянул Крамер, и в его голосе появилась та самая маслянистая интонация, с которой сильные мира сего говорят о слабых местах системы. — Потому что чистота там — это искусство. Но если посмотреть не на документы, а на движение денег... скажем, на платежи через «Вектор-Логистику»... там всплывают интересные совпадения.

Алина сделала вид, что обдумывает сказанное, хотя внутри всё сжалось от предвкушения: это была зацепка.

— И как эти совпадения связаны с вами?

Он снова улыбнулся, на этот раз шире, почти по-дружески.

— Скажем так: я вижу, где трещит лёд. И предпочитаю не стоять на нём, когда он ломается. А вы, Алина, похоже, как раз собираетесь проверить, выдержит ли он.

Она чуть наклонила голову, будто признавая его правоту.

— Возможно. Но если я упаду, то не одна.

В его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Вот это мне в вас и нравится. Вы не пытаетесь казаться беззащитной. Это... освежает.

Алина позволила себе ещё одну лёгкую улыбку, но тут же сменила тон, будто внезапно вспомнила о чём-то важном.

— Знаете, я тут подумала... если вы так хорошо видите эти трещины, может, подскажите, где ещё стоит смотреть? Например, кто ещё участвует в этой цепочке? Не обязательно имена — просто направление.

Крамер снова прищурился, оценивая, насколько далеко можно зайти.

— Направление... — он помолчал, будто подбирая слова. — Смотрите не только на тех, кто подписывает бумаги. Смотрите на тех, кто их готовит. И на тех, кто потом стирает следы.

Это было не имя, не документ, не конкретная цифра — но это был вектор. И Алина поняла: он даёт ей ровно столько, чтобы заинтересовать, но не настолько, чтобы потерять контроль.

— Спасибо, — сказала она спокойно, будто речь шла о погоде. — Это действительно полезно.

— Рад, что смог помочь, — ответил Крамер, снова беря бокал. — Но помните: помощь — это всегда улица с двусторонним движением. Однажды мне тоже может понадобиться ваша... наблюдательность.

Алина кивнула, не обещая ничего, но и не отказывая.

— Тогда будем считать, что мы друг друга поняли.

Она ещё секунду постояла рядом, будто собираясь сказать что-то ещё, а потом, словно вспомнив о чём-то, легко коснулась браслета и улынулась.

— Простите, мне нужно проверить кое-что. Не буду вас больше задерживать.

И, не дожидаясь ответа, она развернулась и пошла прочь — не спеша, ровно, так, чтобы ни один её жест не выглядел как бегство. Только когда она свернула за угол, где зал уже не был виден, она позволила себе на секунду остановиться и глубоко вдохнуть.

В голове крутились слова: «смотрите на тех, кто готовит бумаги... и на тех, кто стирает следы». Это был не ответ, но это был путь.

Марк ждал её там же, в тихом коридоре, только теперь он не стоял, а опирался плечом о стену, скрестив руки. Его взгляд был спокойным, но в нём чувствовалось напряжение и... предвкушение..?

— Ну? — коротко спросил он.

Алина подошла ближе, понизила голос.

— Он дал направление. «Северный узел», платежи через «ВекторЛогистику». И ещё сказал: смотреть не на тех, кто подписывает, а на тех, кто готовит и стирает.

Марк на секунду замер, а потом едва заметно кивнул — так, будто услышал именно то, что ожидал.

— «Вектор» — это его карманная структура. А фраза про «стирателей» — это намёк на юридический отдел и бухгалтерию. Он специально подталкивает тебя туда, где шум будет громче, а суть — тоньше.

Алина нахмурилась.

— То есть он не даёт информацию. Он даёт ложный след?

— Или отвлекающий манёвр, — тихо сказал Марк. — Но даже манёвр — это движение. А движение можно отследить.

Он выпрямился, стёр с лица всякое выражение, кроме холодной собранности.

— Теперь главное — не дать ему понять, что мы это поняли. Пусть думает, что ты клюнула.

Алина снова вспомнила взгляд Крамера — оценивающий, почти предвкушающий. И вдруг почувствовала странную смесь раздражения и азарта.

— Пусть думает, — спокойно сказала она. — А мы будем делать вид, что идём по его следу. Пока не найдём тот, который нужен нам.

Марк чуть улыбнулся — впервые за вечер по-настоящему.

— Ты быстро учишься.

Глава 6. Следующий ход

На следующий день после работы в офисе ФБР. Сидя в машине, Алина набрала номер Марка, чтобы предупредить о своём визите.

Пентхаус был погружён в полумрак — только тусклый свет бра очерчивал контуры мебели и отбрасывал длинные тени на стены. Алина сидела в кресле, скрестив руки, и смотрела на Марка так, будто пыталась прочесть его мысли сквозь непроницаемую маску спокойствия.

— Он не просто хочет информации, — сказал Марк, возвращаясь к разговору о предложении Крамера. — Он хочет тебя. Как трофей. Как рычаг давления на меня.

Марк стоял у окна, глядя на огни города, но не видя их. Его пальцы сжимали край подоконника с такой силой, что костяшки побелели.

— Я знаю, — коротко бросила она. — И ты всё равно хочешь использовать его интерес? — в голосе Алины звучало недоверие пополам с раздражением. — Ты готов подставить меня под удар ради своей игры?

Марк резко повернулся к ней. В его серых глазах вспыхнул холодный огонь.

— Я не собираюсь подставлять тебя. Я собираюсь использовать его жадность против него самого. Крамер думает, что хочет обладать тобой, а на самом деле он уже попался. Его слабость — это его самомнение. Он уверен, что может купить любого, переиграть любого. И именно это его погубит.

Алина встала, подошла к бару и налила себе стакан воды. Руки чуть дрожали, но она не хотела, чтобы Марк это заметил.

— Ты говоришь так, будто у тебя уже есть план.

— Есть, — кивнул Марк. — Мы принимаем его игру. Ты делаешь вид, что рассматриваешь его предложение. Затыгиваешь его, даёшь ему почувствовать, что он близок к победе. А тем временем мои люди собирают всё, что можно найти на его офшорные счета, на его связи с чиновниками, на все грязные сделки, которые он пытался скрыть.

— А если он поймёт, что я играю? — с сомнением спросила Алина. — Если он решит, что проще убрать меня, чем пытаться завоевать?

Марк шагнул к ней, но остановился, будто сам себя сдерживал.

— Тогда я не дам ему этого шанса, — произнёс он твёрдо. — Пока ты рядом со мной, ты под защитой. Но если Крамер сделает хоть один неверный шаг...

Он не договорил, но в этой недоговорённости было больше угрозы, чем в любых словах.

Алина посмотрела на него, пытаясь понять: что стоит за этой решимостью? Желание победить врага?

— Ты защищаешь меня потому, что я нужна тебе для дела, — сказала она прямо. — Или...

Марк перебил её, не давая закончить свои мысли.

— Ни каких "или". Я просто не хочу, чтобы с тобой случилось то, что случается со всеми, кто попадает в его руки, — спокойно ответил он. — Крамер не умеет ценить. Он умеет только брать. А ты... ты не вещь. Ты не пешка. И я не позволю ему обращаться с тобой так, будто ты ничего не стоишь.

Алина медленно выдохнула. В груди что-то шевельнулось — не страх, не гнев, а странное тепло, которое она не ожидала почувствовать рядом с этим человеком.

— Хорошо, — сказала она. — Я сыграю эту роль. Но на моих условиях. Никаких слепых ходов. Каждый мой шаг мы обсуждаем. И если я чувствую, что ситуация выходит из-под контроля — мы сворачиваем игру.

Марк чуть наклонил голову, признавая её право на условия.

— Договорились, — ответил он. — Ты ведёшь эту партию. А я прикрываю твою спину.

На утро после разговора с Марком в пентхаусе.

Алина стояла перед зеркалом в квартире предоставленной от ФБР, когда она ещё только вступала в ряды агентов. Медленно застёгивая платье для встречи в ресторане, куда её пригласил Крамер. В отражении её лицо было спокойным, почти безмятежным — будто она собиралась не на охоту, а на светский завтрак. Но в глазах читалась собранность человека, который знает: сегодня решается, насколько далеко он готов зайти.

В ресторане её уже ждал Крамер. Он сидел в глубоком кресле у окна, листая газету, но стоило Алине появиться, как он тут же отложил её, поднялся и слегка наклонил голову — не поклон, а скорее жест признания: «Ты пришла. Значит, игра продолжается».

— Рад, что вы не стали тянуть, — сказал он, предлагая ей сесть напротив.

Официант тут же принёс кофе, но Крамер даже не взглянул на него — всё его внимание было сосредоточено на Алине.

— Я боялся, что после вчерашнего вечера вы решите, будто я слишком... напорист.

Алина чуть улыбнулась, но не так, как улыбалась Марку — эта улыбка была мягче, чуть уязвимее, будто она позволяла себе быть не такой непробиваемой.

— Я не люблю недоговорённости, — спокойно сказала она. — И если мы собираемся работать вместе, лучше сразу обозначить границы.

Крамер откинулся на спинку кресла, скрестив пальцы. В его взгляде мелькнуло то самое хищное любопытство, которое Алина уже видела вчера.

— Границы... или правила? — уточнил он. — Обычно те, кто хочет играть, не начинают с ограничений.

— А я не хочу играть вслепую, — парировала Алина. — Вы хотите знать, что происходит рядом с Марком. Я готова вам об этом рассказывать. Но не хочу быть пешкой.

Он помолчал, будто взвешивая её слова, а потом тихо рассмеялся — не насмешливо, а с искренним интересом.

— Вы необычная, Алина. Большинство на вашем месте либо сразу бросались бы в атаку, либо начинали умолять о гарантиях. А вы... вы предлагаете сделку. Мне это нравится.

Она чуть наклонила голову, позволяя себе выглядеть чуть более открытой.

— Значит, мы договорились?

— Почти, — протянул Крамер, и в его голосе появилась та самая бархатная интонация, от которой у многих по спине бежали мурашки. — Мне нужно не просто «что происходит». Мне нужно понимать его логику. Его слабые места. Его... страхи.

Алина сделала вид, что обдумывает это, хотя всё было заранее отрепетировано.

— Хорошо. Я могу рассказывать вам о его планах. О том, что он обсуждает, кого зовёт на встречи, какие документы просматривает. Но взамен я хочу знать, куда ведут эти ваши «совпадения». Например, что на самом деле стоит за контрактом по «Северному узлу»?

На секунду в его взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Вы не просто наблюдатель, вы охотник, — тихо произнёс он. — Это... интригует.

Алина не стала ни подтверждать, ни отрицать. Просто посмотрела на него прямо, без страха, но и без вызова.

— Я хочу понимать, во что ввязываюсь.

Крамер медленно кивнул, будто принимая её условия.

— Ладно. Допустим, я расскажу вам кое что. Но не сейчас. Сначала я должен убедиться, что вы действительно можете быть полезны.

И тут Алина сделала то, ради чего пришла. Она чуть подалась вперёд, словно доверяя ему маленькую тайну.

— Вчера вечером Марк был взбешён из-за нашего танца, — тихо сказала она, понизив голос. — Он даже не пытался этого скрыть. Сегодня он собирает экстренное совещание с юристами — говорит, что Крамер готовит какой-то юридический манёвр, чтобы перехватить

контроль над логистическими маршрутами. Он нервничает. И... он боится, что кто то из его команды может его предать.

Это была ложь — но ложь, которую Марк сам придумал. Чистая, отточенная, с нужными акцентами.

Крамер замер, и на мгновение его маска безупречного спокойствия дала трещину — в глазах мелькнуло удовлетворение, почти азарт.

— Нервничает, значит, — медленно повторил он, будто пробуя слово на вкус. — Это хороший знак. Когда они начинают нервничать, они делают ошибки.

Алина позволила себе едва заметную улыбку — не торжествующую, а скорее... сочувственную.

— Он становится жёстче. Вчера уволил двух человек из отдела планирования — сказал, что они «недостаточно лояльны».

Крамер хмыкнул, откинулся назад, и теперь в его взгляде читалось не просто любопытство — он смотрел на неё так, будто видел в ней союзника.

— Знаете, Алина, в этой игре лояльность — самый дешёвый товар. Но умение видеть, кто дрогнет первым... это редкость.

Она опустила глаза, будто смущённая комплиментом, но тут же снова подняла их.

— Тогда, может, вы расскажете мне, чего именно вы от него ждёте? Чтобы я знала, на что обращать внимание.

Он снова помолчал, словно решая, насколько можно ей доверять. И вдруг, будто приняв решение, наклонился чуть ближе.

— Скажем так... у Марка есть слабое место. Не бизнес, не деньги, а... люди. Те, кто верит, что он их защитит. Если эти люди начнут сомневаться... вся его империя начнёт рассыпаться.

Алина кивнула, будто запоминая каждое слово. На самом деле она уже знала: это не откровение, а пробный камень. Крамер проверял, насколько глубоко она готова зайти.

— И вы хотите, чтобы я помогла этим сомнениям появиться?

Он улыбнулся — на этот раз не хищно, а почти по-человечески.

— Нет. Я хочу, чтобы вы помогли мне увидеть, где эти сомнения уже есть. Где трещит лёд.

Алина медленно выдохнула, будто принимая тяжесть этой роли.

— Хорошо. Тогда я буду вашими глазами. Но помните: я не хочу, чтобы пострадали невинные.

В его взгляде снова мелькнуло что то похожее на искренний интерес.

— В этом мы с вами, кажется, похожи, — тихо сказал он. — Я тоже не люблю бессмысленных жертв. Просто... иногда, чтобы спасти большее, приходится идти на риск.

Они ещё несколько минут говорили о мелочах — о встречах, о расписании, о том, какие документы Марк держит под замком. И с каждым словом Крамер становился всё откровеннее, будто сам не замечал, как выдаёт Алине кусочки своей стратегии.

Когда она наконец поднялась, чтобы уйти, он задержал её на секунду, не касаясь, но так, что она почувствовала его взгляд физически.

— Знаете, Алина... — начал он, и в голосе его прозвучало что то новое, не деловое, а почти личное. — В вас есть эта редкая смесь: ум и... какая то внутренняя честность. Это опасно в нашем мире. Но... это притягивает.

Алина улыбнулась — лёгкой, ничего не обещающей улыбкой.

— Спасибо. Но я предпочитаю, чтобы меня ценили за полезность, а не за... притягательность.

Он рассмеялся, на этот раз искренне.

— Договорились. Тогда будем считать, что мы просто два человека, которые видят одну и ту же картину, но с разных сторон. До завтра Алина.

— До завтра, господин Крамер. — Она кинула лёгкую улыбку и покинула ресторан не оборачиваясь.

Выйдя из ресторана, Алина не спешила возвращаться домой. Она свернула в тихий внутренний дворик, где журчал фонтан и пахло жасмином, и только там позволила себе на секунду прижать пальцы к вискам, будто снимая маску.

Марк ждал её там — незаметно, в тени арки, в чёрных брюках и тёмной водолазке, совсем не похожий на того безупречного бизнесмена из вчерашнего зала.

— Рассказывай — сказал он тихо, подходя ближе.

Алина глубоко вдохнула и начала рассказывать — слово в слово, ничего не пропуская. О каждом взгляде, о каждой интонации, о каждом намёке.

— Он почти поверил, — закончила она. — Я дала ему ту информацию, которую дал мне ты. И он... он отреагировал именно так, как ты говорил.

Марк кивнул, но в его глазах было не торжество, а что то другое — уважение, смешанное с тревогой.

— Ты была великолепна, — с гордостью в голосе сказал он. — Но помни: он не просто игрок. Он хищник. И то, что он находит тебя «интригующей»... это не комплимент. Это прицел.

Алина выпрямилась, она не боится смотреть в глаза опасности.

— Пусть целится. Пока он смотрит на меня, он не видит, как мы готовим ловушку.

Марк чуть улыбнулся, и в этой улыбке было что то твёрдое, как сталь.

— Именно. А теперь слушай внимательно. У нас есть ровно три дня, чтобы заставить его раскрыть свой главный козырь. И для этого тебе придётся снова пойти туда, где он будет думать, что контролирует ситуацию.

Глава 7. Игра на опережение

Крамер назначил встречу не в людном ресторане и не в своём кабинете — он выбрал тихую террасу на крыше небольшого арт — отеля, где ветер гулял между стеклянными перегородками, а город лежал внизу, будто карта, разложенная для игры. Алина пришла чуть раньше, села так, чтобы солнце падало ей на лицо, но не слепило глаза, и стала ждать. Она знала: в таких местах люди расслабляются быстрее, потому что чувствуют себя вне привычной территории.

— Иногда достаточно увидеть одну деталь, чтобы понять всю картину. Например, вчера Марк отменил три встречи подряд. Не перенёс, а именно отменил. И никому не объяснил почему.

Это была та самая ложная деталь, которую Марк велел ей упомянуть: мелкая, но тревожная, как трещина в стекле.

Крамер не сразу отреагировал. Он помешал ложечкой кофе, хотя сахара не клал, и только потом поднял взгляд.

— Отменил... — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Это не похоже на него. Обычно он держится за каждую минуту.

Алина позволила себе чуть нахмуриться, будто сама пыталась разгадать эту загадку.

— Я думала, он просто устал. Но потом увидела, как он просматривал старые договоры по «Восточному терминалу». Те, что считались закрытыми.

Ещё одна ниточка. Ещё один повод для Крамера задуматься.

Он откинулся на стуле, и в его взгляде мелькнуло то, ради чего всё и затевалось, — азарт охотника, который почувствовал запах добычи.

— «Восточный терминал»... — тихо произнёс он. — Старая история. Там были проблемы с лицензиями. Если он снова туда лезет, значит, пытается прикрыть какой — то риск. Или... наоборот, готовит отвлекающий манёвр.

Алина не спешила соглашаться. Она сделала глоток воды, будто собираясь с мыслями.

— А может, он знает, что кто-то собирается ударить именно туда? — осторожно предположила она. — И пытается укрепить оборону.

Крамер замер на секунду, и Алина поняла: она попала в нужную точку. Он хотел верить, что Марк паникует.

— Или он уже знает, что удар будет, — медленно сказал Крамер. — И пытается успеть переиграть.

Он замолчал, будто сам с собой спорил. И Алина, чувствуя, что напряжение достигло нужной точки, сделала следующий шаг — очень мягко, почти случайно.

— Знаете, когда я смотрела эти документы... мне показалось, что он ждёт какого — то конкретного события. Будто всё это — подготовка к чему — то, что должно случиться на этой неделе. Но я не поняла, к чему.

Она опустила глаза, будто стыдясь, что лезет не в своё дело, и это сработало лучше любой наглости.

Крамер чуть подался вперёд, и голос его стал тише, интимнее — так говорят не с союзниками, а с теми, кому хотят доверить секрет, чтобы почувствовать своё превосходство.

— На этой неделе... — начал он и тут же остановился, будто поймал себя на том, что чуть не сказал лишнего. Но азарт уже взял верх над осторожностью. — Скажем так, есть одна дата. Двадцать восьмое. В этот день закрывается окно для подачи апелляций по делу «Норд — Транзит». Если Марк не успеет до этого срока, он потеряет рычаги. И тогда... тогда всё пойдёт по нашему сценарию.

Алина едва заметно кивнула, будто складывая пазл.

— Двадцать восьмое... — тихо повторила она. — Теперь понятно, почему он так торопится.

Крамер снова откинулся назад, и на его лице появилась лёгкая улыбка — улыбка человека, который только что переиграл соперника, даже если соперник об этом ещё не знает.

— Да. И если он сейчас дёргается, значит, чувствует, что не успевает. А когда они чувствуют, что не успевают, они начинают ошибаться.

Алина сделала вид, что обдумывает это, а потом подняла на него прямой, чуть усталый взгляд.

— Спасибо, что рассказали. Теперь я хотя бы понимаю, на что смотреть.

Он снова посмотрел на неё с тем самым интересом, в котором смешивались уважение и что-то ещё — желание разгадать её, как сложную головоломку.

— Вы быстро учитесь, Алина. И... вы не пытаетесь казаться глупее, чем есть. Это редкость.

Она чуть улыбнулась, но ничего не ответила. Просто встала, сказала, что ей нужно проверить кое-какие записи, и ушла — ровно, спокойно, не торопясь, чтобы не выдать, как сильно бьётся сердце.

А Марк уже ждал. Не в пентхаусе, не в офисе, а в маленьком ангаре на окраине города, где пахло металлом и пылью, а стены были увешаны схемами и распечатанными заметками. Когда Алина вошла, он даже не поднял головы — просто кивнул на доску, где красным маркером была обведена дата: 28—е.

— Он назвал дату, — сказала Алина, скидывая лёгкую куртку на стул. — Двадцать восьмое. Окно для апелляций по «Норд—Транзиту».

Марк наконец посмотрел на неё, и в его глазах не было удивления — только холодная собранность.

— Значит, он клюнул. Теперь самое время дать ему наживку.

Он подошёл к столу, взял лист бумаги, быстро написал несколько строк и протянул ей.

— Это служебная записка от моего юриста. В ней говорится, что мы якобы планируем подать апелляцию через подставную фирму в Калининграде. Там указаны реквизиты, даты, даже имя фиктивного представителя. Выглядит убедительно, потому что там есть реальные детали из старых дел.

Алина пробежала глазами текст.

— И ты хочешь, чтобы я...

— Ты «случайно» уронишь эту записку в кафе, где Крамер любит завтракать. Или оставишь на столике в баре, куда он точно заглянет. Пусть найдёт. Пусть подумает, что перехватил наш главный козырь.

Алина усмехнулась — впервые за вечер.

— То есть мы даём ему то, что он считает победой, чтобы он сделал ошибку.

Марк кивнул.

— Именно. Если он решит, что может заблокировать эту фирму в Калининграде, он задействует свои связи там. А эти связи... — он постучал пальцем по другой схеме, где были отмечены контакты Крамера, — ...они нам давно интересны. Как только он их активирует, мы увидим всю цепочку. И тогда у нас будет не просто подозрение, а доказательства.

Алина ещё раз посмотрела на записку, потом подняла глаза на Марка.

— А если он поймёт, что это ловушка?

Марк пожал плечами, но в его улыбке не было легкомыслия — только расчёт.

— Тогда он всё равно сделает ход. А любой его ход сейчас — это след. И мы пойдём по нему.

Она кивнула, аккуратно сложила записку и убрала во внутренний карман.

— Хорошо. Завтра в «Марсо» он всегда берёт двойной эспрессо и читает газету ровно пятнадцать минут. Этого хватит.

Марк на секунду задержал на ней взгляд — не как на союзнице, а как на человеке, который стоит рядом на краю пропасти и не отводит глаз.

— Будь осторожна, — тихо сказал он. — Он не из тех, кто прощает, если чувствует, что его обманули.

Алина улыбнулась — спокойно, без бравады.

— Главное, чтобы он не почувствовал это слишком рано.

Глава 8. Ложный след

Кафе «Марсо» жило своей привычной утренней жизнью: бариста отбивали ритмы эспрессо-машин, за столиками шелестели газеты, а воздух был густ от запаха свежесмолотого кофе. Алина вошла ровно в 9:17 — она знала, что Крамер появляется здесь в 9:23, садится у окна, заказывает двойной эспрессо и ровно пятнадцать минут читает одну и ту же страницу, будто проверяя, не изменилась ли реальность.

Она выбрала столик в трёх метрах от его будущего места — достаточно близко, чтобы «случайно» пересечься, но не настолько, чтобы это выглядело нарочно. На столе перед ней лежала тонкая папка, из которой небрежно выглядывал уголок бумаги. Той самой. С реквизитами подставной фирмы в Калининграде, с датой подачи апелляции, с именем фиктивного представителя. Марк настоял, чтобы всё выглядело так, будто Алина просто не успела спрятать документ: будто её застали врасплох, и она второпях сунула папку в сумку, забыв про этот лист.

Крамер вошёл точно по расписанию. Его взгляд скользнул по залу, привычно отмечая детали, и зацепился за Алину. На секунду в его глазах мелькнуло удивление, смешанное с удовольствием — будто он поймал её на чём-то приятном.

— Алина? — произнёс он, чуть приподняв бровь. — Не ожидал увидеть вас здесь. Любите крепкий кофе или просто любите быть там, где всё начинается?

Она улыбнулась — не слишком широко, чтобы не выглядеть радостной, но достаточно, чтобы показать: она рада его видеть.

— И то, и другое, — сказала она, делая вид, что торопливо собирает вещи. — У меня через двадцать минут встреча, а я никак не могу найти нужный файл.

Папка скользнула, и лист наполовину выпал. Алина будто не заметила этого, потянулась за чашкой, потом схватила за телефон, будто вспомнила о чём-то срочном.

— Простите, секунду... — она прижала трубку к уху, отвернувшись, и в этот момент лист лёг на край стола, почти свисая.

Крамер сел. Взял меню. Снова посмотрел на Алину — и на лист. Его пальцы чуть дрогнули, будто он хотел потянуться и поправить бумагу, но сдержался. Вместо этого он сделал заказ, не сводя глаз с этого уголка документа.

Алина наконец «заметила» беспорядок, торопливо схватила папку, бросила на стол пару купюр и встала.

— Простите, я ужасно опаздываю, — пробормотала она, проходя мимо. — Рада была увидеться.

— До встречи, Алина, — тихо ответил Крамер, и в его голосе звучало что-то, чего раньше не было: предвкушение.

Через два часа Марк получил сигнал: цепочка Крамера в Калининграде начала шевелиться. Сначала — тихий запрос в базу регистраций. Потом — звонок в местную юридическую контору. Потом — перевод средств на счёт той самой подставной фирмы. Крамер не просто клянул: он начал действовать.

Марк откинулся на спинку стула и позволил себе едва заметную улыбку.

— Он пошёл по следу, — сказал он, глядя на экран ноутбука, где мигали точки активности. — И теперь каждый его шаг — это след.

Алина стояла рядом, скрестив руки, и смотрела на эти точки, как на звёзды, по которым прокладывают курс.

— Значит, у нас есть время, — тихо сказала она. — Пока он думает, что контролирует ситуацию, мы видим всю картину.

Марк кивнул, но в его взгляде была не только уверенность — была тревога.

— Да. Но помни: когда хищник бросается вперёд, он становится быстрее... и опаснее.

Словно в подтверждение его слов, телефон Алины тихо пискнул — уведомление от приложения с камеры наблюдения у входа в её дом. Она открыла фото: размытая фигура в тёмной куртке, стоящая у подъезда. Слишком долго для курьера. Слишком неподвижно для прохожего.

Алина увеличила снимок. Лицо было скрыто под капюшоном, но поза выдавала одно: человек ждал. Не проходил мимо. Не искал адрес. Ждал.

Она подняла глаза на Марка.

— Кажется, у меня появилась «тень», — спокойно сказала она, словно знала, что рано или поздно это произойдет.

Марк тут же стал другим — не союзником, не партнёром по игре, а человеком, который просчитывает угрозы за доли секунды. Он взял телефон, быстро набрал сообщение, потом повернулся к Алине.

— Не возвращайся туда, — твёрдо сказал он. — Сейчас. У тебя есть запасной адрес? Квартира подруги, гостиница, что угодно.

— У подруги. В центре. Но... если это его человек, то Крамер поймёт, что я заметила.

— Пусть понимает, — отрезал Марк. — Пусть думает, что ты испугалась и побежала прятаться. Это тоже часть плана. А пока ты будешь там, мы выясним, кто этот человек и что он должен сделать.

Алина ещё раз посмотрела на фото, потом медленно убрала телефон.

— Хорошо. Я поеду к подруге. Но... я не хочу, чтобы это меня остановило.

Марк шагнул ближе и на секунду положил руку ей на плечо — не для утешения, а как будто закрепляя договор.

— Ты и не останавлишься. Просто теперь ты будешь делать это из безопасного места. А я займусь тем, кто следит.

Он снова посмотрел на экран, где цепочка действий Крамера продолжала расти.

— Он уже раскрыл свои карты, — тихо сказал Марк. — Теперь наша очередь сделать ход.

Глава 9. Её расследование

Квартира подруги пахла ванилью и лавандой — уютный, почти нарочито спокойный запах, который никак не сочетался с тем, что творилось внутри Алины. Она сидела на низком пуфе у окна, спиной к свету, чтобы тень скрывала её лицо, если кто-то будет смотреть снизу. Перед ней лежал планшет, экран которого светился десятками вкладок: архивы судебных дел, старые новостные сводки, списки сотрудников, работавших в районе порта десять лет назад.

Это было её личное расследование — то, ради чего она вообще пришла в ФБР. Не ради громких дел и не ради карьерных взлётов. Ради одной ночи, когда два выстрела оборвали жизнь её родителей. И ради одной фамилии, которая всё время всплывала в тех документах — Стоун.

Алина снова открыла старую статью про пожар на складе у причала. Тогда в отчётах писали про «несчастный случай», но в одном из черновиков следователя, который она добыла через знакомого архивариуса, было другое: «возможна инсценировка, следы поджога, две гильзы, свидетели запуганы». А рядом с этим делом — заметка о контракте, который в тот же месяц подписал Марк. Слишком много совпадений, чтобы считать их случайностью.

Она открыла зашифрованный файл с диктофонными записями — показания бывшего охранника, который клялся, что видел человека в тёмном пальто, отдававшего распоряжения за пять минут до пожара. Алина прокручивала фрагмент снова и снова, пытаясь поймать ритм, угол, тень смысла.

Телефон тихо пискнул. Сообщение от Марка: «Не выходи. Я занимаюсь твоей "тенью". Держи связь».

Она на секунду закрыла глаза. Марк переживал за неё. И это было странно: человек, которого она собиралась посадить за решётку, сейчас пытался её защитить. И хуже всего было то, что ей это... нравилось. Не как женщине, а как человеку, который слишком долго стоял один на один с этой тьмой.

Алина ответила коротко: «Я в порядке. Работаю». И снова вернулась к экрану.

Тем временем Марк не сидел сложа руки. Он стоял в полутёмном переулке в двух кварталах от подъезда Алины, скрытый тенью старого фасада. Рядом с ним был Игорь — бывший оперативник, знавший город как свои пять пальцев и умевший находить то, что другие не видели.

Когда—то Марк помог ему. Теперь Игорь работает с Марком и является его правой рукой.

Наблюдатель всё ещё стоял у подъезда. Тот же силуэт в тёмной куртке, тот же неподвижный, выжидающий вид.

— Он не местный, — тихо сказал Игорь, глядя в бинокль. — Держится как человек, который не знает района. Слишком напряжённо. И он уже трижды проверил телефон — ждёт команду.

Марк кивнул. Ему не нужны были догадки — ему нужно было признание.

Он достал из кармана старый кнопочный телефон — без симкарты, без связи, просто чтобы создать нужный эффект. Набрал короткий код, и через минуту у наблюдателя завибрировал телефон.

Тот вздрогнул, достал смартфон, прочитал сообщение и нахмурился. «Объект ушёл через чёрный выход». Он замер, потом резко огляделся, будто пытаясь понять, где этот «чёрный выход» может быть. И приняв решение, сорвался с места и побежал вдоль дома — туда, где переулок сужался и терялся между складами.

Игорь усмехнулся.

— Пошёл как по ниточке.

Они двинулись следом, бесшумно, как тени.

Когда "тень" ворвался в тупик, он понял, что попал в ловушку, только когда свет фонарика ударил ему прямо в лицо.

— Стоять, — голос Марка звучал спокойно, но в нём была такая сталь, что мужчина замер, подняв руки. — Кто ты? — спросил Марк, подходя ближе, но не приближаясь настолько, чтобы дать шанс на рывок. — Имя. Кто тебя послал.

Мужчина сглотнул, его пальцы дрожали.

— Я... я просто следил. Мне сказали: если она выйдет — сразу сообщить.

— Кто сказал? — повторил Марк, не повышая голоса, но от этого он звучал ещё страшнее.

— Крамер... Виктор Крамер. Я его водитель... раньше был, а теперь... теперь делаю то, что он скажет.

Марк переглянулся с Игорем. Водитель, значит. Тот, кто знает маршруты, кто слышит разговоры на задних сиденьях.

— Что ещё ты знаешь? — тихо спросил Марк. — Про планы Крамера. Про двадцать восьмое число. Про «НордТранзит». Мужчина побледнел.

— Я... я не должен... он сказал, если кто спросит — молчать.

— Тогда скажи то, что не считается разговором, — спокойно произнёс Марк. — Просто вспомни, что ты слышал. Даже мелочь. Даже фразу, которая показалась тебе странной.

И мужчина заговорил. Сначала сбивчиво, потом всё быстрее, будто сбрасывая с себя груз, который давно давил. Он рассказал про звонки Крамера, про упоминание какой-то фирмы в Калининграде, про то, что «двадцать восьмого всё должно быть готово, иначе поезд уйдёт». Он не знал деталей, но знал интонации — а интонации иногда говорят больше документов.

Когда он закончил, Марк кивнул Игорю. Тот достал наручники.

— Ты поедешь с нами, — сказал Игорь. — Дашь официальные показания. Это твой шанс выйти из этой истории не как преступник, а как свидетель.

Мужчина кивнул, почти с облегчением.

В квартире подруги.

Алина услышала уведомление, посмотрев в экран телефона, увидела короткое сообщение от Марка: «Твоя "тень" взята. Есть зацепка.».

На секунду напряжение отпустило её плечи. Но тут же вернулось — потому что в этот момент на экране планшета всплыло то, что она искала так долго. Старая фотография с корпоративной вечеринки строительной компании. На ней был молодой Марк — улыбающийся, в дорогом костюме, рядом с ним стоял человек, которого Алина знала по диктофонной записи: тот самый «человек в пальто». Только теперь она видела его лицо. И подпись под фото: «Руководство СтройИнвест на ежегодном приёме. Слева — В. Крамер, генеральный директор».

Алина замерла. Крамер и Марк. Вместе. Десять лет назад. В одной компании. В одном деле.

Она медленно откинулась назад, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Марк говорил, что когда—то они были партнёрами. Что, если пожар, смерть её родителей, вся эта паутина — это не борьба двух хищников, а последствия распада союза, где каждый теперь пытается выжить, убирая следы прошлого?

Телефон снова пискнул. На этот раз это был звонок от Марка.

Она помедлила секунду, глядя на его имя на экране. Человек, который сейчас защищает её. И человек, который, возможно, причастен к гибели её родителей.

Глубоко вдохнув, она приняла вызов.

— Я нашла коечто, — сказала она, не здороваясь. — Фото. Ты и Крамер. В «СтройИнвесте». Десять лет назад.

На том конце провода повисла тишина.

— Алина... — начал он, и в этом «Алина» было столько усталости, что она почти поверила: он сейчас скажет правду. — Это было давно. И не так просто, как кажется.

— Расскажи, — тихо сказала она. — Прямо сейчас. Без уловок.

Ещё одна пауза. Потом он выдохнул, будто сбрасывая броню.

— Хорошо. Но не по телефону. Я приеду. И мы поговорим.

Она закрыла планшет, убрала его в сумку, но не отключила. Пусть всё остаётся наготове.

— Приезжай, — сказала она и отключилась. Осталась сидеть в полумраке, глядя, как город за окном зажигает огни, будто ничего не изменилось. Хотя изменилось всё.

Марк появился без стука, дверь в квартире была открыта. В прихожей он на секунду замер, прислушиваясь к тишине, а потом прошёл в комнату, где Алина сидела всё на том же пуфе, только теперь планшет был закрыт, а взгляд стал тяжёлым, как перед грозой.

— Ты не стала прятать документы, — заметил он, кивнув на сумку у её ног.

— Не вижу смысла, — коротко ответила Алина. — Если кто-то придёт, он всё равно их найдёт. А если нет — пусть будут под рукой.

Марк снял пиджак, повесил его на спинку стула и сел напротив, не слишком близко, но так, чтобы видеть её лицо целиком. Он не тянул с разговором.

— Десять лет назад мы с Крамером были партнёрами, — начал он ровно, без оправданий, будто выкладывал карты на стол. — «СтройИнвест» был нашим общим проектом. Мы делили риски, делили прибыль, делили ответственность. На бумаге всё выглядело как идеальный союз. Но на деле... мы по-разному понимали, что значит «ответственность».

Алина чуть приподняла бровь, но не перебивала.

— Для Крамера это значило: делай, что хочешь, лишь бы прибыль росла. Для меня — что нельзя строить будущее на чужих обломках. Первые трещины пошли, когда он начал давить на подрядчиков, подкупать чиновников, закрывать глаза на нарушения. Я пытался его остановить, но он считал это слабостью. А потом... потом он сделал шаг, который я не мог принять. Он подделал отчёт по безопасности на портовом складе. Не просто приукрасил цифры — он сознательно скрыл критическую угрозу. И когда там произошёл пожар... я понял, что больше не могу быть рядом.

Он помолчал, будто снова видел тот дым, снова чувствовал запах гари.

— Я вышел из проекта. Разорвал все соглашения, отказался от доли, ушёл в тень. Думал, что этим всё закончится. Но Крамер не прощает предательства — даже если предателем он считает того, кто просто отказался играть по его правилам. С тех пор он методично пытался сломать всё, что я строил. И теперь... он хочет закончить эту историю. Двадцать восьмое число — это его финальный ход.

Алина слушала, не отводя взгляда. В её глазах не было сочувствия, не было и внезапного доверия — только холодная оценка. Она видела, как он выкладывает своё прошлое, будто снимает броню, и это делало его уязвимым. Но эта уязвимость не смягчала её.

— Спасибо, что рассказал, — сказала она наконец, ровным, почти отстранённым тоном. — Это многое объясняет.

Марк чуть наклонил голову, будто взвешивая её слова. Он ожидал вопросов, упреков, может быть, даже гнева. Но не этого сдержанного «спасибо».

— Ты смотришь на меня так, будто я только что подтвердил худшее, что о себе думал, — тихо произнёс он.

Алина едва заметно усмехнулась — без веселья, скорее, с горечью.

— Я смотрю на тебя так, потому что ты наконец показал, из чего сделан. Не из сделок и не из власти. Из выбора. Даже если он был сделан десять лет назад.

Она встала, подошла к окну и посмотрела вниз, на улицу, где редкие прохожие спешили по своим делам, не подозревая, что чья-то жизнь сейчас висит на тонкой нити.

— И всё же праздновать рано, — добавила она, не оборачиваясь. — Крамер ещё не в тюрьме. А пока он на свободе, он опасен.

Марк тоже поднялся, подошёл ближе, но остановился в шаге от неё.

— Я знаю. Но иногда нужно позволить себе короткую передышку. Иначе можно забыть, ради чего ты вообще идёшь вперёд.

Он достал из кармана пиджака телефон, быстро пролистал что-то и протянул ей экран. На нём было бронирование столика в «Ле Ви», лучшем ресторане города, на имя Марка, на сегодняшний вечер.

— Давай просто поужинаем, — сказал он. — Без планов, без схем, без разговоров о делах. Как два человека, которые сегодня сделали шаг к победе.

Алина снова посмотрела на него, и в её взгляде мелькнуло что-то, похожее на усталость.

— Ещё слишком рано праздновать, — повторила она. — Мы не можем позволить себе расслабиться, пока он строит свои планы.

Марк не стал спорить. Он просто убрал телефон и сказал тихо, но твёрдо:

— Это не про расслабление. Это про то, чтобы помнить: мы не только враги и охотники. Мы ещё и люди. И если мы забудем об этом, то станем такими же, как он.

Алина медленно выдохнула, будто сбрасывая напряжение, которое копилось в ней часами.

— Хорошо, — согласилась она, но тут же добавила: — Но только час. Не больше.

На лице Марка появилась лёгкая улыбка — не торжествующая, а благодарная.

— Час, — кивнул он. — Этого достаточно, чтобы напомнить себе, что мы не только сражаемся. Мы ещё и живём.

Глава 10. Затишье перед бурей

В «Ле Ви» не было кричащей роскоши — только тишина, выстроенная как защита: приглушённый свет, тяжёлые льняные скатерти, официанты, двигавшиеся бесшумно, будто тени. Марк выбрал столик в дальнем углу, где шум зала растворялся, не доходя до их слов. Алина села, но не расслабилась — она всё ещё держала спину прямой, как перед боем.

Она была в платье цвета грозового неба — глубокий серо-голубой оттенок ловил свет и отдавал то стальной прохладой, то мягкой дымкой. Лаконичный крой мягко подчёркивал силуэт: облегающий лиф, драпировка на талии и струящаяся юбка с лёгким разрезом, а минималистичные серебряные украшения завершали образ. В этом платье Алина словно стала частью атмосферы ресторана — неотъемлемой и утончённой.

А Марк напротив будто очертил границу — он сидел в безупречном чёрном костюме, строгий и собранный, словно в любую секунду готов сорваться с места и вступить в бой. В его неподвижности чувствовалась натянутая пружина: ни одного лишнего движения, ни одной случайной складки на ткани. Холодная белизна рубашки подчёркивала эту резкость, а лаконичные серебряные запонки и часы с тёмным циферблатом выглядели не как украшения, а как детали механизма — точного и безотказного.

— Здесь всегда так тихо? — спросила она, проводя пальцем по краю бокала, не глядя на Марка. — Почти, — ответил он, чуть улыбнувшись. — Иногда мне кажется, что в этом городе тишина — самый редкий товар.

Официант принёс закуски, но они не спешили есть. Вместо этого между ними повисло что-то новое — не напряжение, а ожидание. Будто оба понимали: этот час — не про еду. Он про то, чтобы наконец услышать друг друга без прикрытия из схем и планов.

— Знаешь, — тихо сказала Алина, глядя куда-то мимо него, в полумрак зала, — когда я была маленькой, мой отец говорил, что доверие — это не когда ты рассказываешь всё. Это когда ты знаешь, что можешь рассказать. И тебя не используют против тебя же.

Марк чуть наклонил голову, не перебивая. В его взгляде не было нетерпения — только готовность слушать.

— Я долго думала, что у меня этого нет ни с кем. Что я всегда должна быть на шаг впереди, всегда держать секреты при себе, потому что любая слабость — это оружие в чужих руках.

Она замолчала, будто проверяя, не станет ли он давить, не начнёт ли задавать вопросы. Но Марк просто кивнул, словно принимая её право на паузы.

— Ты не обязана ничего рассказывать, — спокойно произнёс он. — Но если хочешь — я здесь. Без оценок. Без выводов. Просто... здесь.

Алина посмотрела на него. Впервые не как на цель, не как на препятствие, не как на врага, которого нужно обыграть. А как на человека, который, возможно, не хотел быть её врагом.

И тогда она начала говорить. Не про родителей, не про мафию — пока нет. Она начала с малого: про город, в котором выросла, про то, как там учили не доверять даже воздуху, про то, как она училась быть незаметной, чтобы выжить.

— В моём мире, — сказала она, чуть понизив голос, будто боялась, что эти слова станут громче, чем нужно, — если ты показываешь, что тебе больно, это значит, что тебя можно сломать. Поэтому я научилась не показывать. Даже когда хотелось кричать.

Марк слушал, не отводя глаз. В них не было жалости — и это было важнее всего. В них было уважение к её боли, даже если он не знал её причин.

— А потом я поняла, — продолжила Алина, и голос её стал твёрже, — что если я буду прятаться вечно, то позволю им победить. Тем, кто забрал у меня... всё.

Она остановилась на полуслове, чувствуя, как близко подошла к краю. Ещё шаг — и она скажет про родителей. Про то, что Марк был замешан. Про то, зачем она пришла в ФБР.

Но слова застряли в горле. Потому что, глядя на него сейчас, она вдруг увидела не того Марка, который мог отдать приказ и хладнокровно убрать свидетелей. Она видела человека, который десять лет назад ушёл из компании, потому что не смог мириться с подлостью. Человека, который сейчас сидел напротив неё и не пытался её использовать.

«А что, если я ошибаюсь?» — эта мысль ударила её сильнее, чем все старые обиды.

— Ты замолчала, — тихо сказал Марк, будто почувствовав, как она замерла на краю. — Если это слишком...

— Нет, — перебила она, пока не потеряла храбрость. — Просто... я почти сказала что-то, чего не должна была.

Он чуть наклонился вперёд, не вторгаясь в её пространство, но показывая, что он рядом.

— Иногда самое трудное — это не сказать. А остановиться, когда уже начал.

Алина слабо улыбнулась, впервые за вечер искренне.

— Да. Именно это.

Они замолчали, но тишина теперь не была тяжёлой. Она была живой, будто между ними наконец-то появился воздух.

— Знаешь, — вдруг произнёс Марк, глядя куда-то поверх её плеча, но обращаясь только к ней, — я думал, что умею разбираться в людях. Что могу просчитать их мотивы, их страхи, их слабости. А потом появилась ты — и я понял, что ничего не понимаю. Ты не действуешь по шаблонам. Ты не ищешь выгоды. Ты просто... идёшь до конца. Даже если это конец без награды.

Алина подняла на него глаза.

— А ты... — начала она и снова остановилась, подбирая слова. — Ты не такой, каким я тебя себе представляла.

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было самодовольства.

— Это комплимент или предупреждение?

— И то, и другое, — призналась она. — Я привыкла думать о тебе как о враге. Это было проще. А теперь... теперь я не знаю, кто ты.

Марк помолчал, потом взял со стола салфетку, аккуратно сложил её, будто пытаясь уложить в этот жест все свои слова.

— Может, я и сам до конца не знаю. Но я знаю одно: я не хочу, чтобы ты смотрела на меня как на врага. Даже если я этого заслуживаю.

В этот момент Алина почти решилась. Почти открыла рот, чтобы сказать: «Мой отец был главой мафии в Спарксвиле. Я должна была стать его приемницей. Но они убили его и мою мать. И я знаю, что ты был там. Я пришла сюда, чтобы отомстить и засадить тебя за решётку».

Но вместо этого она сказала другое:

— Спасибо, что не торопишь меня.

Марк кивнул, будто понимая, что она сказала гораздо больше, чем произнесла вслух.

— У нас ещё есть время, — тихо ответил он.

Они наконец начали есть, но не потому, что хотели есть — а потому, что это был способ удержать этот хрупкий момент. Говорили о мелочах: о книгах, которые любили в детстве, о городах, в которых никогда не были, о музыке, которая заставляла сердце биться быстрее. И с каждым словом стена между ними становилась всё тоньше, пока не превратилась в прозрачную плёнку, через которую они наконец могли видеть друг друга.

Когда официант принёс счёт, Марк даже не посмотрел на него — просто кивнул, и тот молча ушёл.

— Нам пора, — сказала Алина, но не встала. Она будто боялась, что, как только они выйдут из этого уголка тишины, всё вернётся: Крамер, планы, враги, охота.

— Пора, — согласился Марк, но тоже не спешил двигаться. — Но знаешь... иногда час тишины стоит больше, чем неделя побед.

Алина наконец поднялась и, уже стоя у выхода, обернулась к нему.

— Я ещё не всё рассказала, — тихо произнесла она. — Но я расскажу. Когда придёт время.

Марк посмотрел на неё долго, внимательно, будто хотел запомнить этот момент: не её слова, а её решение.

— Я буду ждать, — просто сказал он.

Они вышли из ресторана, и город тут же набросился на них шумом, светом, движением. Но внутри Алины что-то изменилось. Она всё ещё не знала всей правды. Она всё ещё сомневалась. Но теперь она сомневалась не в том, что Марк — зло. А в том, что она вообще когда-либо знала, где кончается правда и начинается месть.

Глава 11. Крах Крамера

План Крамера рушился изящно — словно карточный домик, который долго казался незыблемым, а потом рассыпался от одного лёгкого дуновения. Марк действовал не как разъярённый противник, а как хирург: точно, холодно, без лишней суеты. Он вскрыл одну за другой финансовые схемы Крамера, обнажая связи, подкупы, фиктивные фирмы. Каждый его шаг был продуман так, чтобы не просто ударить, а заставить Крамера самому ускориться и совершить ошибку.

А Алина тем временем продолжала играть свою роль: она звонила Крамеру, будто бы в панике, рассказывала о «проблемах» в окружении Марка, подбрасывала ложные сведения, которые только укрепляли его уверенность в собственной победе. Она улыбалась в трубку, пока внутри всё сжималось от напряжения.

— Ты молодец, Алина, — говорил Крамер в одном из звонков, и в его голосе слышалось почти отеческое одобрение. — Ты делаешь именно то, что нужно. Скоро всё это закончится.

Она кивала, хотя он не мог её видеть, и тихо отвечала:

— Я просто хочу, чтобы всё было кончено.

И это было правдой. Только не так, как думал Крамер. В день двадцать восьмого числа, когда Крамер был уверен, что окно для апелляций по «НордТранзиту» закроется и Марк потеряет последние рычаги влияния, случилось обратное. Именно в этот день Марк запустил цепочку официальных запросов, судебных исков и проверок, которые опирались на доказательства, собранные Алиной. Всё было оформлено безупречно: документы, показания, цифровые следы. Система, которую Крамер выстраивал годами, начала трещать по швам.

Когда Крамер понял, что его план не просто сорван, а обращён против него, он впервые за долгое время почувствовал настоящий холод. Он стоял у окна своего офиса, глядя на город, который ещё вчера казался ему покорённым, и понимал: его империя рушится, и он не может этому помешать.

Он понял, что больше не может победить в этой игре силой денег или влияния. Оставалось только одно оружие — боль. А боль для Марка была... Она.

На следующий день Крамер сделал свой ход.

Он ждал. Он знал её расписание, знал маршруты, знал, в какое время она выходит из здания ФБР. И когда она появилась в дверях, в строгом костюме, с папкой в руках, к тротуару подъехал чёрный внедорожник. Двери распахнулись, и двое мужчин в тёмных костюмах схватили её прежде, чем она успела среагировать. Алина едва успела заметить движение, как ей закрыли нос и рот тряпкой, пропитанной чем-то резким, сладковатым.

Мир поплыл перед глазами, ноги стали ватными. Она хотела закричать, хотела сопротивляться, но тело её не слушалось. Последнее, что она увидела, — это тёмный салон машины, чьи-то руки, подхватывающие её, и мелькающие огни города за окном, которые становились всё тусклее, пока не погасли совсем.

Её привезли в уединённый коттедж в горах — место, о котором знали только самые близкие к Крамеру люди. Дом стоял на склоне, окружённый лесом, и казался почти неприступным.

Когда Алина проснулась, она оглядела комнату в которой находилась. Она больше напоминала покои королевы, чем тюремную камеру. Широкая кровать с балдахином, тяжёлые бархатные шторы, антикварная мебель — всё кричало о богатстве и власти. Но окна были закрыты решётками, а у двери встали двое охранников.

Сначала это сбивало с толку. Потом стало пугать. «Они хотят, чтобы я расслабилась, — думала Алина, глядя в окно на закат. — Чтобы я поверила, что всё не так плохо. Но это только часть плана».

Ей принесли платье — чёрное, струящееся, будто сотканное из полуночной тьмы. Ткань ложилась мягкими, текучими складками, подчёркивая силуэт, а глубокий вырез добавлял образу дерзкой элегантности. Разрез до бедра приоткрывал изящную линию ноги — достаточно смело, чтобы приковывать взгляды, и в то же время настолько утончённо, что в этом не было ни капли вульгарности.

Рядом с платьем на бархатной подложке лежали украшения: бриллиантовые серьги, кольцо и браслет — холодный блеск камней тонко контрастировал с матовой глубиной ткани. Казалось, эти драгоценности созданы были именно для этого наряда: они не спорили с ним, а лишь деликатно подчёркивали его роскошь.

Затем появились стилисты.

— Нам велено сделать вас неотразимой, госпожа, — сухо сказала женщина, приступая к укладке её длинных чёрных волос.

Алина не сопротивлялась. Она знала: сопротивление сейчас только усугубит ситуацию. Вместо этого она наблюдала, запоминала лица, интонации, детали. Каждая мелочь могла стать ключом к спасению.

Когда образ был завершён, её провели в столовую. Комната была погружена в полумрак, свет шёл только от свечей на длинном столе. На другом конце, в тени, сидел Крамер. Он смотрел на неё так, будто она уже принадлежала ему.

— Вы прекрасны в этом платье, Алина, — произнёс он, когда она остановилась у входа. — Даже прекраснее, чем я себе представлял.

— Спасибо, — холодно ответила она, не делая ни шага вперёд. — Но я предпочла бы быть здесь по собственному желанию.

Крамер улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз.

— Иногда самые ценные вещи не приходят по доброй воле, — сказал он, вставая и подходя ближе. — Но со временем они учатся ценить своего хозяина.

— Или учатся ненавидеть, — парировала Алина.

Он остановился в шаге от неё, не касаясь, но нависая, демонстрируя силу и контроль.

— Ненависть — тоже чувство, — спокойно произнёс он. — Главное, чтобы оно было сильным.

Он отодвинул стул на против своего и с лучезарной улыбкой сказал.

— Присядьте. Ужин подадут с минуты на минуту. И тогда я расскажу вам, зачем вы здесь. — Жестом приглашая ее к столу.

Алина села, не сводя с него глаз. Она не собиралась показывать страх. Только расчёт.

Двери распахнулись, и слуги внесли блюда: устрицы, стейк из мраморной говядины, бутылку вина, которое стоило больше, чем годовая зарплата агента ФБР. Но Алина не притронулась ни к чему.

— Не голодны? — приподнял бровь Крамер.

— Жду объяснений, — прямо сказала она.

Он откинулся на спинку стула, сложив пальцы домиком.

— Отлично. Люблю прямолинейность. Тогда скажу прямо. Я похитил вас не ради забавы и не только ради того, чтобы досадить Марку. У меня есть план, который изменит весь город. И вы в нём — ключевой элемент.

Алина напряглась.

— Какой ещё элемент?

— Видите ли, Алина, я собираюсь не просто занять место Марка. Я собираюсь уничтожить его репутацию, его бизнес, его связи — всё, что он строил годами. И для этого мне нужен козырь, который ударит по самому больному. Вы — агент ФБР, молодая, амбициозная, с безупречной репутацией. Если вы публично заявите, что Марк Стоун — преступник, и подтвердите это своими доказательствами, никто не посмеет его защищать.

Алина похолодела.

— Вы... хотите, чтобы я дала ложные показания?

— О, не ложные, — спокойно поправил Крамер. — Вы ведь действительно собирали на него досье. Просто я хочу, чтобы вы показали его миру в нужный момент. В моём моменте.

— И если я откажусь?

Крамер чуть наклонил голову.

— Тогда, боюсь, ваша карьера в ФБР закончится так же внезапно, как и началась. У меня есть люди внутри бюро. Один звонок — и ваше имя будет связано с коррупцией, с утечкой данных, с чем угодно. Вас не просто уволят, Алина. Вас посадят.

Алина сжала кулаки под столом. Она знала: он не блефует.

— Значит, я ваше оружие против Марка.

— Именно, — кивнул Крамер. — И символ новой эры. Вы станете лицом моего нового порядка. Моей правой рукой. Моей... спутницей.

— Никогда, — тихо, но твёрдо сказала Алина.

Крамер не разозлился. Он лишь улыбнулся, будто услышал именно то, что ожидал.

— Посмотрим, — произнёс он. — Время меняет людей. Особенно когда у них нет выбора.

В этот момент в дверях появился охранник и что-то прошептал Крамеру на ухо. Тот нахмурился, встал и вышел из комнаты, оставив Алину одну.

Глава 12. Лицом к лицу

Марк узнал о похищении почти сразу. Ему позвонил один из его людей, кто-то из тех, кто следил за окружением Крамера. Слова были короткими, но они ударили, как выстрел: «Алину забрали. Машина уехала в сторону гор».

С этого момента Марк перестал быть бизнесменом, перестал быть даже мафиози в привычном смысле. Он стал человеком, у которого забрали самое дорогое. И он был готов вернуть весь город, чтобы вернуть её.

Пентхаус Марка превратился в командный пункт. За столами сидели бывшие спецназовцы, хакеры, аналитики — люди, которым он доверял больше, чем кому-либо.

— Мы знаем, где она, — докладывал один из оперативников. — Особняк Крамера в горах. Три периметра защиты, минимум восемь человек охраны внутри. Плюс камеры, датчики движения, бронированные двери.

— Сколько времени нужно, чтобы подготовить штурм? — голос Марка был ледяным.

— Минимум шесть часов на сбор группы и проработку маршрута, — ответил командир штурмовой группы. — Но это при условии, что мы не будем ждать подкрепления.

— Шесть часов, — повторил Марк, и в этом слове прозвучала вся его ярость. — У нас нет шести часов.

Хакер, сидевший в углу, поднял голову.

— У меня есть другой вариант, — сказал он. — Я могу взломать систему видеонаблюдения и отключить сигнализацию на десять минут. Это даст вашей группе окно для проникновения.

— Сделай, — коротко приказал Марк. — Пусть группа готовится. Через час мы выдвигаемся.

Один из аналитиков осторожно посмотрел на него.

— Это рискованно, Марк. Если Крамер поймёт, что мы идём, он может...

— Не смей заканчивать эту фразу, — оборвал его Марк. Его голос звучал так, что все в комнате замерли. — С ней ничего не случится. Я этого не допущу.

Тем временем в особняке Крамера, в горах

В столовой по-прежнему царил полумрак. Свечи горели, отбрасывая дрожащие блики. Алина стояла у окна, пытаясь разглядеть хоть что-то сквозь тяжёлые шторы. Тишина стала почти невыносимой.

Дверь открылась, и вошёл Крамер. На его лице застыло странное выражение — смесь раздражения и азарта.

— Простите за паузу, — произнёс он, подходя к центру комнаты. — Дела требуют внимания даже в такие моменты.

— Какие дела? — холодно спросила Алина. — Те, где вы ломаете чужие жизни?

Крамер усмехнулся.

— Жизнь — это игра, Алина. И в ней всегда кто-то проигрывает. Сегодня проигрывает Марк. Завтра, возможно, вы. Или я. Это не делает игру менее увлекательной.

— Для кого-то это не игра, — отрезала Алина. — Для меня это работа. И долг.

— Долг, — протянул Крамер, будто пробуя слово на вкус. — Забавно. Вы так верите в справедливость, будто она существует отдельно от власти. Но правда в том, что справедливость — это то, что решает сильный. А сильный сейчас — я.

— Пока, — тихо сказала Алина. — Пока кто-то не решит иначе.

Крамер замер, потом медленно улыбнулся.

— Мне нравится ваша дерзость, — произнёс он. — Она делает победу слаще.

В этот момент заиграла тихая симфония — что-то классическое, тягучее, словно подчёркивающее атмосферу ожидания.

— Потанцуем? — предложил Крамер, протягивая руку.

Алина колебалась ровно секунду. Потом приняла его руку. Не потому что хотела. А потому что танец мог дать ей шанс. Шанс увидеть, как он двигается, как реагирует, где его слабые места.

Они закружились по залу, и Алина чувствовала на себе его взгляд — тяжёлый, жадный, собственнический.

— Ты думаешь, что можешь сломать меня, — прошептала она, когда он притянул её чуть ближе, чем было уместно. — Но ты ошибаешься.

— Я не хочу ломать, — тихо ответил он, наклоняясь к её уху. — Я хочу, чтобы ты сама поняла, что твоё место рядом со мной. С властью. С силой. Не на побегушках у ФБР и не в тени Марка Стоуна.

— Моё место там, где я решаю быть, — твёрдо сказала Алина.

Крамер рассмеялся, но в этом смехе не было веселья.

— Время покажет.

Глава 13. Игра окончена

Глухой удар сотряс дверь столовой — будто в неё врезалось что-то тяжёлое. Потом ещё один. И ещё.

Крамер резко остановился, отпустил Алину и прислушался. Его лицо исказилось от ярости — холодной, расчётливой, но всё же ярости.

— Что это? — спросила Алина, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало от напряжения.

Он не ответил. Только сжал кулаки, будто пытался удержать контроль над ситуацией, которая вдруг перестала ему подчиняться.

В этот момент дверь не выдержала. С треском слетела с петель, ударилась о стену и рухнула, подняв лёгкое облако пыли.

И в проёме появился Марк.

Он стоял, слегка наклонившись вперёд, будто был готов броситься в бой в любую секунду. Пиджак был расстёгнут, рукава рубашки закатаны, а в глазах горело то самое пламя, которое Алина видела в пентхаусе, — только теперь оно не сдерживалось никакими масками.

За его спиной мелькали фигуры штурмовой группы, занимая позиции, перекрывая выходы, беря под прицел охранников, которые не успели среагировать.

— Марк... — выдохнула Алина, и в этом слове смешались облегчение и страх: она знала, что самое опасное только начинается.

Крамер сделал шаг вперёд, загоразживая собой пространство между ними, будто хотел показать, что он всё ещё здесь главный.

— Ты ворвался в мой дом, — произнёс он, и голос его звучал обманчиво спокойно, но в нём уже звенела сталь. — Это не просто вызов. Это объявление войны.

Марк не сдвинулся с места. Он даже не смотрел на Крамера — сначала он смотрел только на Алину, проверяя, цела ли она. И только потом его взгляд медленно, с пугающей неторопливостью, скользнул к противнику.

— Твой дом? — тихо переспросил Марк. — Ты говоришь так, будто это крепость. А на деле это просто коробка, набитая страхом и деньгами. И сегодня она рушится.

Крамер усмехнулся, но улыбка вышла кривой, натянутой.

— Ты думаешь, что победил, потому что ворвался сюда с группой? — он кивнул в сторону бойцов. — У меня есть люди везде. В полиции, в ФБР, в мэрии. Один звонок — и тебя объявят вооружённым преступником, который похитил агента бюро. Твоя империя рассыплется быстрее, чем ты успеешь моргнуть.

Алина шагнула вперёд, но Марк едва заметно качнул головой — не делай этого, не приближайся.

— Не надо, — тихо сказал он, не отводя глаз от Крамера. — Он специально тебя провоцирует.

— А ты специально её защищаешь, — процедил Крамер, и теперь в его голосе прорезалась настоящая злость. — Потому что она для тебя не просто пешка. Она — слабость. И я собирался использовать это. Но теперь... теперь я вижу, что ты сам дал мне лучший рычаг.

Марк наконец сделал шаг внутрь комнаты. Медленно, без суеты. Так, будто он не врывался в захваченное здание, а просто возвращался домой.

— Ты ничего не используешь, — сказал он. — Потому что с этой секунды ты больше ни на что не влияешь.

Крамер вдруг рассмеялся — резко, горько.

— Ты так уверен? — спросил он. — Тогда скажи мне, Марк: если я прямо сейчас нажму одну кнопку, и все твои офшоры, все твои тайные счета, все твои договорённости всплывут

в прессе — что ты сделаешь? Ты сможешь защитить её тогда? Или твоя сила — это только иллюзия, пока никто не трогает твои секреты?

Алина почувствовала, как воздух в комнате стал гуще. Это был не просто спор двух мужчин — это была схватка титанов, и она стояла между ними.

Но Марк даже не дрогнул.

— Нажимай, — спокойно произнёс он. — Я не строю империю на секретах. Я строю её на связях, на уважении, на том, что люди знают: я держу слово. Пусть всё выходит наружу. Пусть все видят, как я спасаю тех, кого другие бросают. Пусть видят, что я не боюсь стоять за тех, кто мне дорог.

Крамер замер. В его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление — он не ожидал, что его главная угроза не сработает.

А потом Марк сделал ещё один шаг — и теперь между ним и Крамером оставалось не больше метра.

Крамер сжал зубы, будто пытался проглотить слова, которые рвались наружу. Он хотел ответить, хотел ударить, хотел сделать хоть что-то, чтобы вернуть себе контроль. Но он знал: сейчас он проиграл.

Один из бойцов подошёл ближе, держа наручники наготове.

— Руки за спину, — коротко приказал он.

Крамер медленно повернул голову к нему, потом снова посмотрел на Марка.

— Это ещё не конец, — произнёс он.

— Конец, — твёрдо ответил Марк. — Сегодня ты потерял всё, что пытался построить на чужой боли.

Марк подошел к Алине, крепко обнял, прижимая к себе так, словно хотел убедиться, что это не сон. Он осматривал её, быстро, но бережно, проверяя, нет ли ран, синяков, следов насилия.

— Прости, — шептал он, и в этом «прости» было столько боли, что Алина едва сдержала слёзы. — Прости, что не смог защитить тебя раньше. Я так боялся, что с тобой что-то случится...

Алина обняла его в ответ, крепко, искренне, не думая о том, правильно это или нет.

— Спасибо, что пришёл, — тихо сказала она. — Я знала, что ты не оставишь меня.

Она мягко отстранилась, потому что если бы она осталась в его объятиях ещё хоть минуту, она могла бы забыть обо всём: о своём долге, о своей мести, о своём прошлом.

— Мы можем идти? — тихо спросила она.

Марк кивнул. И впервые за всю эту ночь в его взгляде появилось что-то ещё, кроме стальной решимости — облегчение.

— Да, — сказал он. — Теперь мы можем идти.

Глава 14. Затишье после бури

Марк взял Алину за руку и повел к машине. Открыл переднюю пассажирскую дверь аккуратно усаживая ее на сиденье и застегнул ремень. На улице была уже глубокая ночь. Машина плавно двигалась по трассе, а мелькающие деревья за стеклом, тихо погружали Алину в сон. Она открыла глаза когда машина начала сбавлять скорость и заезжать во двор.

Она увидела что марк привез ее не к ней домой а в свой пентхаус.

— Почему не домой? — С недоумением спросила она.

— Потому что я переживаю, — честно ответил он. — Крамер еще не за решёткой, у него всё ещё есть люди, есть влияние. И пока суд не закончится окончательно, пока все его связи не будут разорваны, я не хочу, чтобы ты оставалась одна.

Алина хотела возразить, хотела сказать, что она агент ФБР и может о себе позаботиться. Но вместо этого она просто кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Пока суд не закончится.

Она не стала обманывать Марка и тем-более саму себя. Ведь у Крамера уже получилось похитить её один раз, значит получится и второй.

Пентхаус Марка встретил их тишиной — такой густой и глубокой, какой не бывает в шумном городе. Здесь не было ни сирен, ни шёпота охранников, ни чужих взглядов из полумрака. Только мягкий свет ламп, запах дерева и едва уловимый аромат дыма из камина.

Алина шла по коридору, чувствуя, как с каждым шагом напряжение, стягивавшее её плечи последние часы, понемногу отпускает. Она не оглядывалась — знала, что Марк идёт следом. Не потому что следит, а потому что не хочет выпускать её из виду, пока не убедится, что опасность действительно осталась позади.

В гостиной всё было так, как он любил: ничего лишнего, только пространство, воздух и тепло огня. На низком столике стояли два бокала и бутылка вина — не пафосного, не коллекционного, а того, что пьётся, когда хочется просто согреться изнутри.

Марк протянул ей свитер — свой, тёплый, пахнувший чем-то спокойным, почти домашним.

— Надень, — коротко сказал он. — Ты дрожишь.

Она не стала спорить. В этом свитере она сразу почувствовала себя чуть менее уязвимой, будто ткань укрывала не только от холода, но и от всего, что осталось за стенами этого дома. Сверху накинула плед, и Алина наконец-то позволила себе сесть, вытянуть ноги и закрыть глаза на одну короткую секунду.

Марк переоделся в белую футболку и чёрные брюки — никакого костюма, никакой брони из дорогих тканей. Сейчас он выглядел не как глава империи, а как человек, у которого только что из-под ног ушла земля, но он всё равно устоял.

Они сели в кресла у камина. Он — в одно, она — в другое. Взяли бокалы. Сделали по глотку. И замолчали.

Тишина не была неловкой — она была заслуженной. Это была тишина тех, кто только что прошёл через ад и теперь имел право просто дышать.

Но рано или поздно слова должны были прорваться.

Алина покрутила бокал в пальцах, глядя, как отблески огня танцуют на стекле. Потом подняла глаза на Марка.

— Мы закончили с Крамером, — тихо, но твёрдо сказала она. — Теперь всё вернётся на круги своя. Ты — главный мафиози этого города. Я — агент ФБР, которая должна тебя остановить. И рано или поздно мне придётся снова собирать на тебя досье. Снова искать доказательства. Снова пытаться засадить тебя за решётку.

Марк не отвёл взгляда. Он смотрел на неё так, будто пытался запомнить каждую черту: тень под глазами, лёгкую усталость в изгибе губ, прядь волос, упавшую на щеку.

Внутри у него всё сжалось. Он хотел сказать столько всего: что не хочет снова становиться для неё врагом, что устал быть тем, кого все боятся и никто не понимает, что сейчас, в этой тишине, рядом с ней, он чувствует себя почти нормальным.

Но вместо этого в голове вспыхнуло совсем другое: «У неё такие красивые глаза... и эти длинные волосы, которые хочется потрогать, погладить, намотать на кулак в порыве страсти...»

Он замер, сам себя одёргивая. Сейчас не время для этих мыслей. Сейчас время для правды. Но слова не шли.

— Эй, ты меня слышишь? — голос Алины прозвучал чуть резче, чем она хотела, будто ей нужно было вернуть его из какой-то далёкой дали.

Марк моргнул. И вдруг понял, что слишком долго молчал, и это молчание могло сказать больше, чем любые слова.

Он не ответил. Вместо этого встал, подошёл к её креслу и опустился на мягкий ковёр с длинным ворсом прямо у её колен — не напротив, не через стол, а рядом, так близко, что между ними почти не осталось пространства.

— Здесь теплее, — тихо сказал он, кивая на огонь. — Присоединись. На полу. Так... спокойнее.

Алина смотрела на него, сбита с толку. Ещё час назад они были в эпицентре шторма, а теперь он предлагает ей сесть на ковёр у камина, будто это самое естественное, что можно сделать после спасения из лап врага.

Она колебалась ровно секунду. Потом поставила бокал на столик, аккуратно подобрала плед и медленно опустилась на ковёр, поджав ноги.

— Так и правда теплее, — призналась она, чувствуя, как жар от огня касается щёк.

Марк улыбнулся — впервые за вечер по-настоящему, без напряжения, без маски.

— Я знал, что тебе понравится.

Они снова замолчали, но теперь тишина была другой. Она не давила, а обволакивала, как тёплый плед.

— Ты не собираешься спорить со мной, — сказала Алина, скорее утверждая, чем спрашивая. — Про ФБР. Про досье. Про то, что я должна тебя остановить.

Марк повернул голову и посмотрел на неё. В его взгляде не было вызова, не было привычной стальной уверенности. Там была усталость — и что-то ещё, что он редко кому позволял видеть.

— А что толку спорить? — спокойно ответил он. — Ты делаешь свою работу. И делаешь её хорошо. Я это уважаю.

— Даже если эта работа — посадить тебя?

Он чуть пожал плечами и засмеялся громко, искренне. А затем сказал:

— Особенно если эта работа — посадить меня. Значит, ты не идёшь на компромиссы. Значит, ты веришь в то, что делаешь.

Алина нахмурилась, будто эти слова не укладывались в её привычную картину мира.

— Ты говоришь так, будто не считаешь меня врагом.

— Враг — это тот, кто хочет тебя уничтожить, — произнёс Марк. — А ты... ты хочешь справедливости. Даже если она будет стоить мне свободы. Это не делает тебя врагом. Это делает тебя человеком, с которым сложно, но по-настоящему.

Она опустила взгляд, пряча улыбку, которую не хотела показывать.

— Звучит как комплимент. Опасный комплимент.

— Пусть будет комплимент, — кивнул он. — Сегодня мы заслужили немного правды без прикрас.

Огонь потрескивал, отбрасывая золотые тени на стены. Где-то далеко, за окнами, город продолжал жить своей жизнью, но здесь, у камина, время будто замедлилось.

Алина подтянула плед повыше и наконец-то почувствовала, как уходит дрожь.

— Спасибо, — тихо сказала она.

— За что?

— За то, что пришёл. За то, что не дал ему... сделать то, что он хотел.

Марк чуть наклонил голову.

— Не благодари. Я бы пришёл за тобой, даже если бы это стоило мне жизни.

И в этой фразе не было пафоса. Только простая, тяжёлая правда.

Алина посмотрела на него и вдруг поняла: сегодня они не враги. Сегодня они — двое людей, которые выстояли против бури. И пусть завтра всё снова станет сложно, пусть им снова придётся выбирать между долгом и чем-то большим — сейчас у них есть этот вечер. И этого достаточно.

Огонь в камине давно превратился в тлеющие угли, отбрасывающие на стены мягкие, почти призрачные отсветы. В комнате стало тише, глубже, будто весь мир отодвинулся подальше, чтобы не мешать этой хрупкой минуте.

Алина уснула, сама того не заметив. Сначала она просто подтянула плед повыше, потом чуть наклонила голову, а потом, незаметно для себя, облокотилась на плечо Марка. Её дыхание стало ровным, спокойным — таким, каким оно бывает, только когда напряжение наконец отпускает.

Марк сидел неподвижно, боясь пошевелиться. Ему казалось, что если он сделает хоть одно резкое движение, если чуть сильнее вздохнёт — она проснётся, тут же вспомнит, кто она и кто он, встанет и уйдёт. И тогда эта ночь, этот огонь, это редкое чувство покоя просто рассыплется, как пепел от углей.

«Если она проснётся, всё рухнет», — думал он. И от этой мысли становилось тяжело, почти больно. Потому что рядом с ней у камина он чувствовал не жар от огня, а что-то другое — тёплое, живое, настоящее. То, чего в его мире почти не осталось.

Но что он чувствует? Он и сам ещё не до конца понимал. С одной стороны, ему не следовало испытывать к ней ничего. Она — агент ФБР, та, кто по долгу службы должна разрушить его мир, упрятать его за решётку, восстановить справедливость так, как её видит закон. С другой стороны, он видел в ней не только агента. Он видел девушку, которая умела стоять прямо даже тогда, когда земля уходила из-под ног. Ту, которая не сломалась ни под давлением Крамера, ни под тяжестью выбора. Ту, которая стала для него чем-то важным — и в то же время недостижимым, словно звезда, которую можно видеть, но нельзя удержать.

Он осторожно, почти затаив дыхание, повернул её лицо к себе. Убрал прядь волос, упавшую на щёку, — она была мягкой, как шёлк, и на секунду он замер, будто боялся, что даже это лёгкое прикосновение может её разбудить. Потом, сам не понимая, как решился, большим пальцем нежно провёл по её щеке — еле-еле, едва касаясь, словно хотел запомнить это ощущение.

И тогда он не выдержал. Наклонился и мягко, почти невесомо прижался губами к её губам. Не как завоеватель, не как тот, кто берёт своё. А как человек, который наконец-то позволил себе то, о чём долго запрещал себе даже думать.

Алина чуть заёрзала на его плече, будто ей приснился дурной сон, и тихо вздохнула, нахмутив брови. Марк тут же замер, затаил дыхание, следя за каждым её движением. Но она не проснулась. Только придвинулась чуть ближе, доверчиво прижимаясь к нему, и снова затихла.

Тогда он медленно, стараясь не потревожить её, поднял на руки. Она доверчиво обвила его шею, уткнулась носом в плечо и даже не открыла глаз. Он нёс её по тихому коридору в гостевую спальню, где пахло свежим бельём и спокойствием. Осторожно уложил на кровать, подоткнул одеяло, а потом... сам не понял, как остался. Просто сел на край, собираясь поси-

деть ещё минуту, убедиться, что ей тепло, что она в безопасности. А потом усталость, накопившаяся за эту бесконечную ночь, взяла своё. Он лёг рядом, не раздеваясь, просто чтобы быть рядом, и уснул, едва успев подумать: «Ещё пять минут. Пусть она поспит».

Глава 15. Нежданный гость

Утром солнечный свет пробрался сквозь шторы и лёг на лицо Марка. Он проснулся первым и несколько минут просто смотрел на Алину, любуясь тем, как она выглядит во сне: спокойной, незащищённой, настоящей.

Когда Алина начала просыпаться, Марк резко закрыл глаза, притворяясь спящим. Она открыла глаза, не понимая где находится и за секунду в её голове мелькнули обрывки воспоминаний: камин, разговор, бокал вина... и вдруг она резко повернулась, увидела рядом спящего Марка и замерла.

Марк лежал рядом, чуть повернувшись к ней, с расслабленным лицом, каким она его никогда не видела. Без привычной стальной маски, без холодного прищура, без готовности в любую секунду вступить в бой. Сейчас он выглядел почти уязвимым.

— Что ты здесь делаешь?! — голос Алины прозвучал резче, чем она хотела, и в нём было столько раздражения, что можно было бы растопить ещё один камин. — Почему ты спишь в моей кровати?!

Марк не вскочил, не стал оправдываться. Он только приоткрыл один глаз, лениво скользнул по ней взглядом, будто ничего странного в этой ситуации не было, и пробормотал что-то невнятное, больше похожее на «ещё пять минут».

А потом, не давая ей и слова вставить, потянулся, притянул её к себе и обнял так крепко, что вырваться было невозможно. Она оказалась прижатой к его плечу, и все её возмущённые слова застряли где-то в горле.

— Давай ещё поспим немного, — тихо сказал он, уткнувшись носом в её волосы. — Ночь была длинная.

Алина хотела снова возмутиться, хотела напомнить ему, кто она такая и что между ними не может быть ничего, кроме вражды и расследований. Хотела сказать, что это всё неправильно. Но вместо этого она вдруг почувствовала, как уходит напряжение, как тело само собой расслабляется, как тепло от его руки проникает сквозь свитер и заставляет забыть обо всём, что было вчера.

Она замерла, прислушиваясь к себе. И поняла, что не хочет вырваться. Совсем чуть-чуть. Ещё пять минут.

— Ты невозможный, — буркнула она, но уже без прежнего гнева.

— Знаю, — спокойно ответил он, чуть крепче прижимая её к себе. — Но сегодня я хочу быть невозможным рядом с тобой.

И она не стала спорить. Просто закрыла глаза, вдохнула этот утренний, тихий, почти домашний запах и позволила себе ещё немного побыть не агентом ФБР, не охотницей за преступниками, а просто девушкой, которую кто-то бережёт.

Однако их миг безмятежности оборвался, едва успев начаться. Тишину дома разорвал резкий, настойчивый звонок домофона. Он звучал так, будто кто-то решил выбить кнопку звонка, не давая ей ни шанса на передышку.

Алина приподнялась на локте, с лёгким раздражением глядя на дверь спальни.

— Надо спуститься и открыть, — сказала она, уже собираясь скинуть одеяло.

Марк только глухо пробурчал, не открывая глаз, и притянул её чуть ближе, словно хотел укрыть от всего мира.

— Скоро сами уйдут, — пробормотал он. — Пусть звонят.

Но звонок не умолкал. Он становился всё более требовательным, почти агрессивным, будто хотел ворваться в их хрупкое уединение силой. Тогда Марк сдался. Он резко сел на кровати, провёл рукой по лицу, словно сбрасывая остатки сна, и встал. В его движениях чувствовалось раздражение — такое острое, будто ему только что сломали что-то очень ценное.

— Ладно, — процедил он, натягивая футболку. — Сейчас я скажу этому человеку пару ласковых, от которых у него пропадёт желание когда-либо нажимать на звонок.

Он спустился вниз, а Алина, помедлив секунду, тихо последовала за ним. Она остановилась на лестнице, так, чтобы видеть входную дверь, но оставаться в полутени, незаметной.

На экране домофона Марк увидел лицо, которое он меньше всего ожидал увидеть. Лицо, которое, как ему казалось, навсегда осталось в прошлом.

Он на секунду замер, будто не веря своим глазам, а потом всё же открыл дверь.

Девушка не стала ждать приглашения. Она ворвалась в дом, словно была здесь хозяйкой, а этот дом — её законной территорией.

Алина знала её из досье, которое собирала на Марка.

Лея — Бывшая жена Марка. Двадцать девять лет, слишком красивая, чтобы казаться настоящей, слишком разукрашенная, чтобы выглядеть естественной, слишком разодетая, чтобы это выглядело уместно в ранне время суток. На ней было платье, которое стоило как небольшая квартира, и туфли, в которых, казалось, невозможно ходить, но она шла так, будто по подиуму. Волосы уложены так, будто она только что вышла из салона, на шее и запястьях — дорогие украшения, а в руке — маленький клатч. В каждом её движении сквозила наглость, в каждом взгляде — расчёт.

— Марк, милый! — Пропела Лея, подходя к нему ближе и раскинув руки, чтобы кинуться к нему на шею, словно они только вчера расстались лучшими друзьями. — Ты не рад меня видеть?

— Не настолько, чтобы считать это праздником. — Сухо ответил он, скрещивая руки на груди.

Она рассмеялась — громко, театрально, так, чтобы этот смех заполнил комнату и заставил его наконец-то посмотреть на неё.

— Всё такой же очаровательный, — протянула она. — Знаешь, я думала, ты хотя бы обнимешь бывшую жену. Мы ведь не чужие люди.

— Мы чужие, — спокойно поправил он. — И давно.

Лея закатила глаза, будто это была самая скучная фраза на свете.

— Что ты здесь забыла? — холодно спросил он. — Мы ещё год назад всё решили.

Лея на секунду нахмурилась, но тут же снова натянула улыбку, теперь уже чуть более искусственную.

— Ну, Марк, не будь таким суровым, — протянула она, делая вид, что обижена, но в её глазах читался расчёт. — Мне просто срочно нужны деньги. Совсем немного. Просто чтобы перекантоваться пару недель.

Марк усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Я не дам тебе денег, Лея. Ты и так знаешь мой ответ на этот вопрос.

Она тут же сменила тактику, поджав губы и изображая отчаяние.

— Но мне негде жить! Квартиру, которую ты мне подарил, отобрали за долги. А компенсация, которую ты дал при разводе... она закончилась.

Марк даже не удивился. Он прекрасно знал, как Лея умеет расставаться с деньгами — она тратила их легко, будто они росли на деревьях, бросая их направо и налево. Суммы, которую он выделил ей при разводе, хватило бы на содержание небольшого городка в течение века, но Лея умудрилась превратить её в пыль за считанные месяцы.

Он помолчал, глядя на неё так, словно пытался понять, осталась ли в ней хоть капля искренности.

В его голове проносились воспоминания — не о любви, а о том, как эта женщина умела превращать любую просьбу в ловушку. Но отказать в приюте, даже ей, он не мог. Не потому что всё ещё что-то чувствовал, а потому что не умел отказывать в самом необходимом.

— Ты можешь пожить в особняке, — наконец произнёс он. — Но это не значит, что мы снова семья. Это просто крыша над головой.

Лея тут же снова надела свою маску — улыбнулась, будто выиграла, хотя на самом деле получила лишь временное убежище.

— Спасибо, Марк, — промурлыкала она. — Я знала, что в глубине души ты всё ещё добрый.

— Не ищи там то, чего нет, — отрезал он. — В гостиную, — коротко приказал он. — Сиди там. Никуда не ходи и ничего не трогай.

Лея недовольно хмыкнула, но спорить не стала. Она прошла в гостиную, цокая каблучками, и устроилась на диване, будто проверяя, достаточно ли он мягкий для её королевского величия.

После их разговора Алина поднялась в спальню. Марк поднялся за ней.

— Прости за эту сцену, — сказал он, входя в спальню. Приводи себя в порядок и встретимся в моём кабинете...

Он хотел ещё что-то добавить, но в этот момент из гостиной раздался голос Леи, громкий и требовательный:

— Марк! Тут такой ужасный кофе! Принеси нормальный, пожалуйста! И ещё... тут нет моего любимого йогурта!

Марк на секунду прикрыл глаза, словно собираясь с силами, а потом повернулся к Алине.

— Прости, — тихо сказал он. — Сейчас разберусь с... этим и заходи в мой кабинет.

Алина только кивнула. Затем пошла принимать душ и приводить себя в порядок.

Она спустилась вниз, но не в гостиную, где Лея уже хозяйничала, а на кухню. Там было проще дышать: нейтральная территория, где никто не претендует на роль хозяйки.

Она включила кофемашину, привычными движениями отмерила зёрна, и этот простой, почти механический ритуал немного вернул ей ощущение контроля. Пока кофе варился, она выглянула в окно: сад за домом был тихим, ухоженным, но каким-то отстранённым — будто этот порядок поддерживали не для того, чтобы им наслаждались, а чтобы скрывать за ним хаос.

Из гостиной доносился голос Леи — звонкий, капризный, с той самой интонацией, которая заставляет людей либо подчиняться, либо сбегать.

— Марк, ну ты серьёзно? В этом доме вообще нет нормальной косметики? Я не могу ходить с такими губами!

Марк отвечал сдержанно, без раздражения, но в его голосе чувствовалась усталость человека, который давно выучил: спорить с Леей — значит кормить её энергией.

Алина тихо поставила чашку на стол и замерла. Ей хотелось развернуться и уйти, оставить их разбираться друг с другом. Но вместо этого она вдруг взяла вторую чашку, налила туда кофе, добавила ровно столько молока, сколько Марк любил, и пошла в гостиную.

Лея сидела на диване, скрестив ноги, листая журнал с таким видом, будто оценивала не статьи, а сам дом — и он пока не выдерживал её оценки. Марк стоял у окна, глядя куда-то вдаль, будто искал способ исчезнуть, не покидая комнаты.

Когда Алина вошла, Марк на секунду будто выдохнул — как человек, который увидел спасательный круг. Лея же едва взглянула на неё, скользнула взглядом, как по мебели, и снова вернулась к журналу.

— Вот, — сказала Алина, протягивая Марку чашку. — Тебе пригодится.

Он взял её, чуть задержав взгляд на Алине, и в этом взгляде было тихое «спасибо».

— А мне? — тут же встряла Лея, приподняв бровь. — Я тоже хочу кофе. И не этот растворимый ужас, а нормальный.

Алина не стала спорить. Она просто спокойно кивнула.

— Сейчас сделаю, — сказала она и снова ушла на кухню.

Там она остановилась, прислонившись к столешнице, и на секунду закрыла глаза. Ей было странно: она готовила кофе для женщины, которая, по всем правилам, должна была быть её соперницей, и делала это не из слабости, а из расчёта. Пусть Лея думает, что она просто услужливая тень. Пусть недооценивает.

Пока кофе варился, в кармане её куртки тихо завибрировал телефон. Алина достала его и увидела сообщение от Игоря: «Есть движение по старым делам СтройИнвеста. Ктото снова копает под Марка. Не знаю, кто, но следы ведут не к Крамеру. У него сейчас нет ресурсов для такой тонкой работы. Значит, есть ктото ещё». Алина быстро напечатала: «Держи меня в курсе. И проверь, нет ли связи с окружением Леи. Она сегодня появилась у Марка».

Ответ пришёл почти сразу: «Уже смотрю. Но будь осторожна. Старые дела любят возвращаться не вовремя».

Она убрала телефон, взяла чашку для Леи и вернулась в гостиную. Лея уже не сидела — она ходила по комнате, трогая статуэтки, проводя пальцами по книжным корешкам, будто проверяя, насколько этот дом ей принадлежит.

— Ты кто вообще? — вдруг спросила она, остановившись и глядя на Алину так, будто только сейчас заметила её как человека, а не как функцию. — Новая помощница? Секретарша?

Марк хотел что-то сказать, но Алина опередила его.

— Я живу здесь временно, — спокойно ответила она.

Лея прищурилась, будто пыталась сложить пазл, который не складывался.

— Живёшь... — протянула она, и в её голосе прозвучало что-то новое — не просто каприз, а интерес охотника. — Интересно. Марк обычно никого не пускает в свой дом. Даже меня после развода сюда не пускал.

Алина чуть улыбнулась, но улыбка получилась не дружелюбной, а скорее стальной.

— Значит, я исключение.

Лея фыркнула, будто это было не признание, а вызов.

— Исключения быстро становятся правилами, — сказала она, снова опускаясь на диван и делая глоток кофе. — Особенно если они слишком долго задерживаются.

Марк поставил свою чашку на стол, и звук получился неожиданно громким в этой напряжённой тишине.

— Лея, — сказал он твёрдо, но без крика. — Ты остаёшься здесь временно. Только чтобы найти жильё и работу. И не нужно устраивать здесь свои порядки.

Лея подняла на него глаза, и в них мелькнуло что-то настоящее — усталость, смешанная с обидой.

— Знаешь, Марк, — тихо сказала она, и голос её на секунду стал мягче, без привычной язвительности.

— Иногда мне кажется, что ты вообще не понимаешь, каково это — остаться одной. Без денег, без дома, без плана.

Марк не ответил сразу. Он смотрел на неё так, будто пытался вспомнить ту девушку, в которую когда-то влюбился, и понять, куда она исчезла.

— Понимаю, — наконец произнёс он. — Но это не значит, что я могу решить все твои проблемы.

Лея снова натянула свою привычную улыбку, будто надевала броню.

— Ладно, ладно, — сказала она, махнув рукой. — Не будем о грустном. Лучше расскажи, что у тебя нового. Кто эта девушка? И почему она так спокойно себя ведёт, будто ей здесь самое место?

Алина почувствовала, как внутри поднимается волна напряжения. Она могла уйти. Могла промолчать. Но вместо этого она посмотрела на Лею прямо в глаза.

— Потому что мне здесь действительно место, — сказала она спокойно. — По крайней мере, пока я сама этого хочу.

В комнате повисла тишина — та самая, когда слова уже сказаны, и остаётся только ждать, чем это обернётся.

Глава 16. Тени прошлого

В кабинете Марк наконец-то закрыл дверь, отрезая их от всего остального мира.

— Прости, — снова сказал он. — Я не думал, что она устроит это представление.

Алина села в кресло, чувствуя, как уходит напряжение.

— Это твоя бывшая жена, — просто сказала она. — Ты не обязан извиняться за неё.

— Обязан, — возразил он. — Потому что она — часть моего прошлого, которое сейчас мешает моему настоящему.

Алина посмотрела на него, и в её взгляде было столько понимания, что Марк на секунду забыл, как дышать.

— Расскажи мне, — тихо попросила она. — Кто она такая? И почему ты вообще позволил ей остаться?

Марк сел напротив, опустил голову, собираясь с мыслями.

— Она — человек, который умеет находить слабые места и бить точно в них, — признался он. — Мы были вместе, потому что мне казалось, что я могу её изменить. Что смогу сделать её мягче, добрее. Но правда в том, что она такая, какая есть. Хитрая, беспринципная, готовая использовать любую ситуацию в свою пользу. Я дал ей крышу над головой, потому что не могу выгнать человека на улицу. Но это не значит, что я снова открою ей дверь в свою жизнь.

— Ясно. Тогда помоги мне, — попросила она. — Сегодня, пока ты разговаривал с Леей, мне пришло сообщение от напарника из ФБР. Мне нужен твой взгляд. Твой опыт. Твоя правда.

Марк кивнул, будто принимая этот вызов.

— Хорошо, — сказал он. — Давай разберёмся. Вместе.

Но где-то в глубине дома Лея стояла у окна, наблюдая за ними. Её улыбка стала шире, а в глазах загорелся тот самый опасный огонёк — огонёк женщины, которая уже придумала, как превратить эту ситуацию в оружие.

Потому что она знала: если ударить в самое уязвимое место, даже самый сильный человек может сломаться. А Алина была именно тем самым уязвимым местом.

С того вечера, когда Лея ворвалась в дом, будто имела на него все права, в воздухе повисло напряжение — тонкое, как натянутая струна, и такое же опасное. Алина старалась не показывать, что следит, но замечала каждую мелочь: как Лея будто невзначай задерживается у кабинета Марка, как слишком долго возится возле книжных полок, будто ищет не книгу, а спрятанную записку, как в разговорах всё время возвращается к одному и тому же — к старым делам.

— А помнишь тот проект у порта? — как бы между прочим спросила она однажды за завтраком, помешивая ложечкой йогурт, будто речь шла о чём-то совершенно обыденном. — Там ещё столько шума было изза пожара. Ты тогда резко ушёл из компании. Почему?

Марк едва заметно напрягся, но ответил спокойно, почти буднично:

— Потому что не хотел быть частью того, что там происходило.

— Но ведь ты был партнёром Крамера, — не унималась Лея. — Наверняка у тебя остались какие-то документы, какае-то записи... Может, ты их хранишь? На всякий случай?

Алина молча наблюдала за этой игрой. Она не поднимала глаз от своей чашки, но ловила каждое движение Марка: как его пальцы чуть крепче сжали ручку, как взгляд стал чуть холоднее.

— Ничего такого у меня нет, — отрезал он. — И не ищи.

Лея только пожала плечами, будто сдаваясь, но в её глазах мелькнуло что-то упрямое — не обида, а азарт. Тем же вечером Алина решила, что хватит просто наблюдать. Она дождалась, когда Лея уйдёт в свою комнату, и тихо, почти бесшумно, прошла по коридору к кабинету

Марка. Дверь была закрыта, но не заперта. Внутри пахло старой бумагой и кофе. На полках стояли папки, на столе — ноутбук, закрытый, но, возможно, не заблокированный.

Алина не собиралась рыться в личных вещах Марка. Но ей нужно было понять, что именно ищет Лея. Она открыла ящик стола, пробежала пальцами по папкам, пока не наткнулась на одну с пометкой «СтройИнвест — архивы». Внутри лежали копии договоров, старые отчёты, выписки. И среди них — один листок, который не был похож на остальные: короткая записка, написанная от руки, с датой десятилетней давности. «Груз 12А. Убрать свидетелей. Подтверждаю». Подписи не было, но почерк... он был похож на почерк Крамера. Алина замерла, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Это не было прямым доказательством, но это было звено в цепи, которую она пыталась собрать. Она аккуратно вернула папку на место и вышла, стараясь не выдать своего волнения.

В коридоре она едва не столкнулась с Леей. Та стояла, прислонившись к стене, будто просто проходила мимо, но её поза выдавала напряжение.

— О, ты тут, — сказала Лея, чуть приподняв бровь. — Что-то искала?

— Просто хотела взять книгу, — спокойно ответила Алина, указывая на полку рядом. — А ты?

— Да так... — Лея пожала плечами. — Не могу уснуть. Думаю, может, почитать что-нибудь.

Они смотрели друг на друга, и в этом взгляде уже не было вежливости. Только взаимное подозрение.

— Знаешь, — вдруг сказала Лея, понизив голос, будто делилась секретом, — в этом доме столько тайн. Иногда мне кажется, что даже стены знают больше, чем люди.

— Тогда, наверное, они молчат не просто так, — тихо ответила Алина и прошла мимо, чувствуя на себе её взгляд до тех пор, пока не свернула за угол.

Глава 17. Удар в спину

Лея не умела проигрывать. И уж точно не умела быть просто гостьей в чужом доме. Стоило Марку уйти, стоило двери за ним закрыться, как она тут же ожила — словно змея, которая до этого притворялась мёртвой, а теперь подняла голову и начала искать, куда вонзить зубы.

Она не стала тратить время на слёзы или пустые упрёки. Вместо этого достала телефон и набрала номер человека, который знал всё, что происходило в теневом мире города. Тот, кто хранил чужие секреты и продавал их тем, кто больше заплатит.

— Мне нужно кое-что раскопать, — сказала она. — Про девушку, которая живёт у Марка. Алина Рейн. Узнай всё: кто она, откуда, что связывает её с Марком. И особенно — что было десять лет назад. Любые слухи, любые совпадения.

— Ты опять ввязываешься в чужие игры, Лея. Это может плохо закончиться. — сказал тот человек. — Я знаю, — процедила она. — Но мне нужно оружие. Чтото, что заставит Марка дать мне денег. Или хотя бы не выгонять.

Следующие дни Марк и Алина работали вместе. Они разбирали дело, которое казалось безнадежным: цепочка офшоров, подставные фирмы, скрытые счета. Но вместе они находили связи, которые поодиночке никогда бы не заметили.

Они спорили, перебивали друг друга, смеялись над совпадениями, которые казались почти мистическими. И с каждым часом, проведенным рядом, между ними росло что-то новое — не просто притяжение, а доверие. То самое, которое строится на общих победах и общих ошибках.

Однажды вечером, когда они наконец-то нашли недостающее звено в схеме, Алина подняла на него глаза, уставшие, но сияющие от азарта.

— Мы сделали это, — выдохнула она. — Мы реально это сделали.

Марк улыбнулся, впервые за долгое время по-настоящему.

— Мы команда, — сказал он.

Алина хотела что-то ответить, но вдруг замерла. В её взгляде мелькнуло что-то похожее на осознание.

— Знаешь, — тихо сказала она, — я начинаю думать, что не всё в тебе чёрное. Что где-то под этой броней есть что-то... настоящее.

Он не успел ответить. Не успел сказать, что тоже начинает верить, что они могут быть не врагами, а союзниками. Что он готов защищать её не только от других, но и от самого себя.

Потому что через неделю всё рухнуло.

Через два дня после разговора Леи с тем самым человеком. Лея получила файл и звонок в эту же секунду.

— Я нашёл то что ты просила, но... Знаешь это странно, — сказал он с настороженностью и продолжил. — Я не мог ни чего найти до момента, где эта девушка вступила в ряды ФБР, словно до этого момента она не существовала.

— Не разочаровывай меня Филип, я не верю, что такой человек как ты не смог ни чего найти.

— Обижает, милая, — сказал Филип, словно обиженный на слова Леи. — Смотри файл, и не забывай про оплату.

— Конечно дорогой, посмотри свой счет — сказала Лея с ухмылкой на лице. — Спасибо.

Лея открыла файл с нетерпением.

Короткое досье: Алина Рейн, агент ФБР, родом из Спарксвилля. Отец — бывший глава местной мафии, убит вместе с женой при подозрительных обстоятельствах. И дальше — строка, от которой у Леи перехватило дыхание: «Устранены по приказу лидера конкурирующей

структуры в ходе передела сфер влияния. Приказ об устранении был отдан Марком Стоуном — в то время молодым, но уже влиятельным преемником, закреплявшим свою власть».

Это было идеально. Не просто рычаг. Это была бомба.

Марк вернулся в особняк ближе к вечеру. Он устал, но в груди было странное чувство — будто сегодня они с Алиной наконец-то сдвинули дело с мёртвой точки. Они сидели в его кабинете, разбирали документы, спорили, смеялись над нелепыми формулировками в отчётах, и в какой-то момент он вдруг понял: рядом с ней даже самая грязная работа казалась светлее.

Но стоило ему войти в дом, как он почувствовал напряжение, висевшее в воздухе, словно перед грозой.

Лея ждала его в гостиной. На этот раз не в роскошном платье, а в строгом костюме, будто собиралась на деловую встречу. Только вот взгляд у неё был не деловой — а хищно-довольный.

— Ты что-то нашла? — сразу спросил Марк, не тратя время на приветствия.

— Нашла, — протянула Лея, постукивая ногтем по папке. — И это кое-что очень интересное. Знаешь, я ведь думала, что ты просто циничный, но не жестокий. А оказалось, ты умеешь бить по-настоящему больно.

Марк почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Что ты несёшь?

— Я говорю про Алину, — спокойно сказала Лея. — Про её родителей. Ты ведь помнишь «Северный круг»? Ты тогда только поднимался, и тебе нужно было показать силу. Ты отдал приказ убрать их. Не потому что они были опасны. А потому что так было выгодно. И теперь эта девушка, которую ты, кажется, начал ценить, даже не подозревает, что человек, к которому она тянется, когда-то разрушил её жизнь.

Марк побледнел. Он помнил тот приказ. Помнил, как его наставник говорил: «Иногда нужно сделать грязное дело, чтобы потом иметь право защищать тех, кто тебе дорог». Тогда он не знал, что эти люди — родители Алины. Тогда он вообще не знал, кто такая Алина. Но факт оставался фактом: подпись под приказом была его.

— Откуда ты это взяла? — глухо спросил он.

— Неважно, — пожала плечами Лея. — Важно то, что я могу рассказать ей. Прямо сейчас. Могу позвонить, могу устроить встречу. Могу сделать так, что она узнает правду из чужих уст, а не от тебя. Или... могу уехать. Исчезнуть. За хорошие деньги.

Марк смотрел на неё, и в его глазах не было ни гнева, ни страха — только ледяная пустота.

— Ты хочешь что-то взамен на эту информацию? — тихо спросил он, уже зная ответ.

Лея чуть наклонила голову, не отрицая.

— Хочу гарантий. Что я не останусь на улице. Что ты pomoжешь мне начать новую жизнь. Не деньги на ветер, а реальную поддержку.

Он смотрел на неё так, будто видел впервые. Не бывшую жену, не капризную девочку, а человека, который нашёл его самое уязвимое место и теперь держал палец на спусковом крючке.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Я помогу. Но ты не скажешь этого Алине. Никогда.

Лея улыбнулась, но в этой улыбке не было радости.

— Знаешь, — прошептала она, — иногда самое страшное не в том, что ты сделал. А в том, что правда всё равно найдёт способ выйти наружу.

Глава 18. Правда, которую нельзя скрыть

Алина тем временем тоже не сидела сложа руки. Она заметила, что Лея стала тише, собраннее, будто сбросила маску капризной принцессы. И ещё — она несколько раз видела, как Лея шепчется по телефону, прикрывая трубку рукой. На следующий день Алина решила проследить за Леей.

Лея встретила с мужчиной в маленьком кафе на окраине. Они говорили недолго, но Алина успела заметить, как Лея кивнула, принимая какой-то конверт. А потом мужчина ушёл, а Лея осталась, глядя в одну точку, будто переваривая услышанное.

Когда Лея вернулась домой, Алина уже была там. Она сидела на кухне, пила чай и делала вид, что просто ждала возвращения всех домашних.

— Где ты была? — спокойно спросила она, когда Лея вошла.

Лея замерла на секунду, будто забыла, что Алина вообще существует.

— Прогулялась. Встретила старого знакомого. Ничего особенного.

— Он передал тебе конверт, — так же спокойно сказала Алина. — Что в нём?

Лея прищурилась, и в её взгляде мелькнуло уважение — не к сопернице, а к равной.

— Любопытная ты, — протянула она. — Знаешь, иногда любопытство бывает опасным. Особенно когда ты копаешь там, где лучше не трогать.

— Я не боюсь, — тихо сказала Алина. — Потому что мне нечего терять.

Они смотрели друг на друга, и между ними висело то, что не было сказано вслух: каждая из них знала, что другая играет свою игру. И ставки были слишком высоки, чтобы приотворяться дальше.

Позже, когда дом погрузился в тишину, Марк нашёл Алину на террасе. Она смотрела на город, будто пыталась разглядеть в его огнях ответы на вопросы, которые не решалась задать вслух.

— Ты не спишь, — тихо сказал он, подходя ближе, но не садясь рядом, давая ей пространство.

— Не хочется, — ответила она. — Слишком много мыслей.

Он помолчал, потом всё же сел на соседнее кресло.

— Лея... она сегодня много говорила про прошлое. Про «СтройИнвест». Про старые дела. Я пытался ей объяснить, что это закрытая глава. Но она не слушает. Алина кивнула, будто уже знала это.

— Она ищет рычаг давления, — спокойно сказала она. — На тебя. И, возможно, на меня.

Марк посмотрел на неё, и в его взгляде была усталость человека, который слишком долго держал всё на себе.

— Прости, что тебе приходится быть частью этого, — тихо произнёс он.

— Я сама выбрала этот путь, — ответила она, но голос её дрогнул.

— Просто... иногда мне кажется, что прошлое никогда не заканчивается. Оно просто ждёт, когда ты повернёшься к нему спиной.

Марк хотел сказать что-то ещё, но слова застряли у него в горле. Он думал о том, что теперь знает: Алина пришла сюда, чтобы отомстить. И он, сам того не зная, полюбил девушку, чьё сердце было наполнено ненавистью к нему. И даже если не знал — он был частью той системы, которая забрала у неё всё. И теперь он не имел права на её доверие.

Он встал, не решаясь больше оставаться рядом.

— Спокойной ночи, Алина, — тихо сказал он и ушёл, оставив её одну среди теней, которые становились всё длиннее.

А где-то в глубине дома Лея улыбалась, глядя на свой телефон. План работал. И скоро она получит всё, что хотела.

На следующий день в офисе ФБР.

Стук в дверь

— Да-да войдите — быстрым голосом сказала Алина не отрываясь от экрана ноутбука.

— Алина, доброе утро, — сказал парень входя в кабинет.

— О Карл привет, что-то случилось?

— Тебе тут письмо только... ни адреса, ни отправителя, — сказал Карл, протягивая конверт.

— Оу, спасибо Карл!

— Ну ладно я пойду, увидимся на обеде, — сказал он с лучезарной улыбкой.

— Да конечно, увидимся.

Конверт пришёл по почте. Обычный, белый, без обратного адреса. Только имя и адрес — чёткими, будто напечатанными на дорогой машинке буквами.

Алина вскрыла его, думая, что это какой-то официальный документ. Но внутри была не бумага. Внутри была правда.

Фотография. Копия приказа. И короткая записка: *«Ты искала справедливость. Теперь ты знаешь, кто на самом деле разрушил твою жизнь. Марк Стоун — тот, кто приказал убить твоих родителей».*

Руки Алины дрогнули. Мир вокруг стал серым, будто кто-то выкрутил яркость до нуля. Она села на стул, чувствуя, как внутри что-то ломается.

Все эти дни. Все эти разговоры. Все эти моменты, когда она начинала верить, что он не монстр. Что он может быть хорошим. Что между ними может быть что-то настоящее.

А он всё это время знал. Или не знал? Может, он сам не понимал, что сделал? Но разве это имело значение? Приказ был его. Смерть её родителей — на его совести.

Она не стала звонить. Не стала кричать. Не стала плакать. Она просто собрала вещи, взяла отпуск за свой счет и ушла туда, где её никто не найдёт.